

РОМАН СУРЖИКОВ

ЖИЗНЬ
НА ФРОНТЕ

ТОМ II

Полари

Роман Суржиков
Кукла на троне. Том II

«ИП Головин»

2018

Суржиков Р.

Кукла на троне. Том II / Р. Суржиков — «ИП Головин»,
2018 — (Полари)

Тиран повержен, война окончена. Мир воцарился в Империи Полари. Столица празднует, двор пирует. Но в чьих руках остались смертоносные Персты Вильгельма? Кто сумел стравить меж собою два сильнейших рода Полари? Кто стоит за кулисами кровавого спектакля... и каким будет следующее действие?

Содержание

Перо – 4	5
Искра – 7	19
Спутники – 5	37
Северная Птица – 4	47
Перо – 5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Роман Суржиков

Кукла на троне. Том II

Перо – 4

Земли Короны; графство Эрроубэк (герцогство Альмера)

Как раз в этот момент лампа затрещала и выбросила горсть искр. Они взлетели стайкой светлячков над плафоном, и крохотный этот фейерверк подчеркнул торжество Марка Фриды Стенли.

– Думается, я успешно прошел испытание, не так ли?

Дед ухмыльнулся, топорща усы. Отложил дудку, сложил руки на животе и сказал:

– Жена пилила Джека-Плотника за то, что у него все хуже, чем у соседа: дом ниже, денег меньше, лошаденка старше. Джек-Плотник возразил: «Зато у меня есть альтесса, а у него – нет». Жена рассмеялась: «У тебя? Альтесса?.. Да кому ты нужен, лентяй нищий!» Джек обиделся. Подговорил одну девицу, привел к себе домой и говорит жене: «Знакомься, жена: вот моя альтесса!» Жена возьми да и спроси девицу: «У Джека на заднице есть родинка. Если ты альтесса, то должна знать: справа или слева?» Девица ответила: «Справа». Жена рассмеялась: «А вот и нет!» – и прогнала ее. Прошло время, Джек подговорил другую, снова привел домой: «Вот, теперь-то у меня точно альтесса появилась!» И в доказательство поцеловал девчонку. Но жена снова за свое: «Ты должна знать: у Джека родинка на заднице справа или слева?» Девица, конечно, ответила: «Слева». Жена: «Ха-ха-ха! Выдумщица!» – и прогнала ее. Ну, тут Джек совсем озлился. Позвал в баню свою кумушку, разделись, Джек взял в руки одно зеркало, кумушке дал другое: «Ну-ка, покажи мне: где там на заднице проклятая родинка?!» Поводили зеркалами, совместили как надо, Джек рассмотрел: родинка не слева и не справа, а сверху. Тут в баню зашла жена. Видит: Джек с дамочкой, оба голые и почему-то с зеркалами. Жена в крик: «Ах, вот кто твоя альтесса!» Джек в ответ: «Какая альтесса – просто кума! Зато я теперь точно знаю, где окаянная родинка. И ты, зараза, больше меня не подловишь!»

Внучок хохотнул. Марк тоже, ради приличия, хотя смешно не было ни капли.

– Забавно, ага. Прямо умора. А теперь поясни: что ты хочешь этим сказать?

Дед промолчал. Внучок неуверенно произнес:

– Я думаю, Ворон, мораль такая: если бы герцог хотел рассмотреть родинку на своей заднице, он бы не позвал нас троих, а нашел кого-то покрасивше.

– Так я неправ? Быть не может!

– Поживешь с мое, – хмуро ответил Дед, – узнаешь: словами «не может быть» люди отрицают очевидное. Сам герцог Эрвин сказал мне, что не знает похитителя.

– Он мог утаить от тебя.

– Этого не было.

– Как ты можешь знать? Не только философ, но еще и правовидец? А может, ты к тому же...

Дед щелкнул дудкой по столу. Негромкий звук вышел, но хлесткий. В лице Деда нечто переменилось, и Марк вдруг понял всю истинность поговорки: «Молчание – золото». Вот прямо сейчас лучше всего – проглотить язык.

– Первое: герцог послал бы на дело кайров, а не бандитов. Второе: кайры не пошли бы в гостиницу. Ни к чему плодить свидетелей, а потом их убивать. Заночевали бы на снегу – северянам это раз плюнуть. И третье. Если герцог и есть вор, то он давно уже отдал бы под суд бургомистра с лейтенантом. Благо, улик хватает.

Марк так и сел.

– Твою Праматерь...

Дед ткнул чимбуком ему в нос:

– Сколько тебе лет?

Марк хотел огрызнуться: «Какого черта?» Но что-то в дедовом лице намекало: вот прямо сейчас лучше не спорить. Совсем.

– Тридцать девять.

– Не хули Праматерей. Этому деток учат в четыре годика.

– Угу.

– И не кусай руку, с которой ешь. Это знают даже месячные щенки.

– Прости, Дед. Я ошибся.

– Повтори.

– Я ошибся, Дед.

– Больше не ошибайся.

– Да, Дед. Больше не ошибусь.

Седой посмотрел на него еще, а потом... Не улыбнулся, не расслабился (ведь и не был напряжен), но как-то пошевелился – и стал прежним пастухом с дудкой.

– Куда пойдем? – спросил Дед.

Марк перевел дух и почесал затылок. Да уж, сесть в лужу – не самое приятное чувство.

Изначально он думал назвать Ориджина похитителем ради проверки: поглядеть на реакцию Деда – не знает ли тот больше, чем говорит. Но для такой деликатной беседы нужен был подходящий момент. Марк ждал этого самого момента, а покуда длилось ожидание, все больше любовался своей гипотезой. Ведь красиво же складывалось: и мотив у герцога имелся, и возможность. И особенно нравилась Ворону догадка, что похититель Предметов заранее знал о штурме. Очень уж многое встает по местам, если допустить это. А кто мог заранее знать про штурм? Да только герцог Ориджин!..

И вот, увлекшись версией, упустил из виду вопиющие дыры. Отупел на Севере, дурачина! Теперь трудись, восстанавливай репутацию...

Марк сказал без былого апломба:

– Эти бандиты не стеснялись пускать кровь. В столицу они направились или в Альмеру – в любом случае, их путь отмечен трупами. Пойдем к тому, кто знает про все убийства.

– Шериф в каждом городке свой. Будем опрашивать всех?

– Шерифы-то разные, а вот управитель налогов один на целое баронство. Если человек умирает, он перестает платить налоги, верно?

* * *

Джонас держал кузню в трех милях от села Белый Камень. Почему так далеко? Может, потому, что Белый Камень в Альмере, а джонасова кузня – уже в Землях Короны, где налоги с мастеров ниже. Но скорее, причина – в нелюдом нраве Джонаса. Кузнец был убежден, что люди – те же бараны, только шерсти с них меньше, а шуму больше. Сколько в нем было способности любить, всю обратил на инструменты и благородную сталь. Семьи не завел, слуг не имел, держал при себе лишь одного помощника и двух подмастерьев. Помощник вел домашние дела, стряпал, привозил все, что требовалось, и следил за лошадьми. Подмастерья трудились вместе с Джонасом с утра до ночи. Заказов хорошему кузнецу всегда хватает – даже тому, кто живет на отшибе.

После обеда девятого декабря Джонас послал одного подмастерья в Белый Камень – отвезти заказы, а второго в Йельсток – поменять деньги на вексель. Обоим разрешил вернуться десятого. Тот, что подался в Йельсток, получил от кузнеца на дорогу и кров целую глаорию. Обремененный крупной монетой, он стал выбирать гостиницу и – сам не заметил, как так

вышло, – очутился в борделе. Его можно понять: часто ли подмастерью выпадает развлечься от души?.. Настолько паренек увлекся процессом, что вышел на улицу незадолго до полудня и без единой звездочки в кармане. Имел при себе только джонасов банковский вексель – а им с извозчиком не расплатишься. Так что волей-неволей парень отмахал пешком все девять миль обратного пути и явился в кузню перед сумерками.

А тот подмастерье, что был послан в Белый Камень, еще вечером доставил все заказы и заночевал у родителей. Мать – прославленный мастер свар – всю ночь допекала его упреками. «Пятый год служишь, а все подмастерье! Когда уже сам кузнецом станешь? Дождусь от тебя хоть агатку в помощь? Даром я тебя рожала!» За ночь насытившись родственным общением, юноша с рассветом пустился в обратный путь. Когда до кузни оставалось полмили, он заподозрил неладное: дымный хвост, тянувшийся к небу, был слишком густым и разлапистым для печной трубы. Подойдя ближе, подмастерье обмер. Пред ним предстала примерно та же картина, какую теперь – три месяца спустя – наблюдал Ворон Короны.

Одно было совершенно ясно: кузнец Джонас больше не платит налоги в казну. От кузни осталось перекрестье обугленных балок, а от самого Джонаса и его помощника – футовые ямки в земле. Копать мерзлый грунт – то еще удовольствие, особенно – если рядом лежат два обгоревших тела. Потому крестьяне, придя после пожара, не стали рыть привычные погребальные колодцы. Кое-как вгрызлись в мерзлоту на пару футов, бросили тела, засыпали землей, отгарабанили молитву – готово.

– Бедолага Джонас, – сказал Рыжий. – Зачем поставил кузню в лесу? Жил бы в селе – остался бы цел...

Ворон еще разок обошел пепелище. Оглядел следы: их почти не осталось, а те, что были, принадлежали селянам. Проверил тропки: сломанные ветви на деревьях, задубелые кучи навоза, отпечатки копыт... Да, все верно – бандиты пришли сквозь лес со стороны Йельстока, а ушли в сторону Смолдена, оставив по себе... хм... вот это.

Марк ковырнул носком погребальную ямку и сказал Рыжему:

– Будь добр, осмотри его.

– Кого?..

– Почтенного кузнеца Джонаса. А также его помощника.

– Эх, чиф...

Рыжий надеялся избежать этой работенки, но в душе знал, что не отвертится. Тела – единственные оставшиеся улики. Вздохнув, он принялся копать. Скоро Внучок сменил Рыжего и налег на лопату с новой силой. Спустя полчаса оба трупа лежали на снегу.

По правде, от них мало что осталось, но и то небольшое видеть было тошно. Пока Рыжий осматривал тела, Ворон отошел подальше. Окончив дело, агент доложил:

– Обоих убили кинжалом. Помощнику перерезали горло, он умер сразу. Кузнеца ткнули под ребра, он упал, но умер лишь после того, как подожгли кузню. Тело кузнеца приняло характерную позу, какая бывает у погорельцев. Тело помощника – не приняло, значит, к началу пожара он был уже мертв.

– Ран на телах много?

– По одной.

– Мы можем верить, что это действительно кузнец Джонас с помощником?

– Ну, селяне так написал на табличках... С чего бы им врать?

– Хотя бы по неведению. Тела и на людей-то не похожи – поди опознай!

Рыжий развел руками:

– Вот поэтому, чиф, я и не могу сказать наверняка. Но оба мертвеца коренасты и очень широки в плечах; оба кособоки, правая рука развита много лучше левой. Да, они похожи на кузнецов.

– А оружия в могилах нет?

– Оружия, чиф?..

– Ну, например, молота. Нагрянула опасность – кузнец схватился за привычный инструмент, который и для боя пригоден. Не справился, погиб с молотом в руке. Бандиты, конечно, не взяли его себе – зачем им такая тяжесть. И селяне не тронули – молот-то в пожаре обгорел, ни на что уже не годился...

– Чиф, нет там никакого молота. Кузнец не брался за оружие, поскольку боя не было. Его закололи одним внезапным ударом сзади. И спустя минуты после этого подожгли дом.

– Выходит, так... – Ворон поковырял носком грязный снег. – Подонки пришли затемно, кузнец впустил, они заночевали. Он не предвидел опасности, переспал с ними под одной крышей. Наутро они его убили, спалили кузню и ускакали в Альмеру.

– Похоже на то, чиф.

Марк еще раз прошелся по руинам, сторонясь мерзостных человеческих огарков. В который раз уже спросил себя и снова не нашел ответа: откуда же берутся люди, что любят убивать? Легко понять воров: деньги – сладкая штука. Шкуры мошенников, казнокрадов, интриганов несложно примерить на себя, почувствовать их правду. Даже насильников можно понять, пускай и с отвращением... Но убийцы – этого народца Марк не понимал никогда, хотя перевидал многие сотни. Чем же, ну чем мертвец лучше живого? Какую мысль надо иметь в голове, чтобы теплого здорового человечка превратить... вот в это?!

И привычным же движением души Марк переключился от сути преступления к логике следствия. Ведь холодная мысль – лучшее снадобье от тягостных чувств.

– Значит, так, братья. В данном деле есть две странности. А если подумать, то три. Кто назовет их?

Рыжий тут же раскрыл рот, но Марк первым дал шанс Внучку.

– Попробуй-ка ты, паренек. Что тебя удивляет?

– Ну, я думаю... Как бы, вот что... Если они умерли перед самым пожаром, то, выходит, на рассвете. Да?..

Внучок глянул на Деда, тот подбодрил его кивком.

– А если на рассвете, то я думаю: зачем бандиты держали их живыми всю ночь?.. Вечером же прискакали, заночевали, а утром дальше. Что ж они, кузнеца с помощником на ночь связывали, в погребке прятали? Зачем эта лишняя морока, если все равно хотели убить?

– Молодец, – похвалил Марк. – Котелок у тебя варит. Теперь ты, Рыжий, что скажешь?

– Чиф, кузнец Джонас отослал двух подмастерьев сразу, причем дал волю еще и на следующий день. Десятое декабря – не воскресенье, кузня должна была работать. Тяжко ему бы пришлось одному. Однако отослал...

Рыжий подмигнул со значительным видом. Марк ответил:

– Ты мне намеки не намекивай. Коли знаешь разгадку – говори, а нет – так и не строй умника.

– Я думаю, чиф, кузнец ждал эту банду. Знаком был с ними, помогал уже прежде – коней подковывал, оружие правил, или еще чего. Они условились к нему заехать той ночью. Потому Джонас и услад подмастерьев – чтобы не видели таких гостей. А помощника оставил при себе, поскольку тот знал бандитов, как и кузнец.

– Уже лучше. А почему убили только на рассвете?

– Именно потому, что Джонас в знакомцах с бандой! Он не ждал подвоха, а спокойно помогал им: накормил, напоил, может, чью-то лошадь перековал. Когда же все было сделано, они взяли и порешили его.

Марк согласился:

– Это другое дело. Теперь поумничал как надо, принимается. Но кто заметил третью странность?

Молодежь потупилась, Дед только хмыкнул в усы.

– Ладно. Третья такова: зачем путешествовать днем? Вот уже второй раз выходит так, что бандиты днем скачут по дороге, а на ночь заезжают в укрытие на отшибе. Почему не наоборот? Отчего не пересидеть светлый день в схроне, а затемно ехать?

– Может, это... Коней жалели? Боялись, как бы ночью ногу не сломать?

– Так они ж скакали по дорогам! И этот выбор ясен: зимой через поля слишком медленно выйдет. Но если по тракту, то почему не ночью?

Дед дунул в чимбук – вышло с ехидцей.

– Ты, Ворон, коли учишь других не разводить лишних намеков, то и сам следуй правилу. По лицу вижу, что знаешь ответ. Вот возьми да и скажи прямо.

– Полагаю, они не боялись дневных дорог потому, что имели надежную маскировку.

– Защитный Предмет?! – У Внучка отпала челюсть. – Накрылись мороком и стали невидимы?! Тьма, как же мы их поймаем!..

– Невидимость – хорошая мысль, – согласился Ворон. – Но я знаю другой способ, как спрятать сорок конников средь бела дня в военное время. Одеть их в мундиры!

– Какие мундиры?..

– Да любые! Альмерские, путевские, имперские, надеждынские – лишь бы не северные. Солдатня так и сновала туда-сюда: дезертиры – из столицы, подкрепления – в столицу. Никто бы не удивился отряду солдат и потом его не вспомнил.

– Постойте, чиф, но гвардейцы видели бандитов при ограблении поезда. Я и сам осматривал тела – никаких мундиров не было!

– Конечно. Бандиты были бы дураками, если б показали гвардейцам, под какую именно часть маскируются. Они переоделись позже, в «Лесном приюте». Только после этого рискнули выехать на дорогу, а старое свое тряпье сожгли вместе с гостиницей.

Ни у кого не нашлось возражений. Марк обернулся к покойникам:

– Что ж, пожалуй, вот и все, что дала нам смерть этих двух бедолаг... Ради богов, закопайте их.

* * *

Прочертив на карте маршрут банды, можно было понять: от кузни Джонаса убийцы двинулись в Альмеру. Конечно, если отбросить совсем уж странную мысль, что бандиты посетили кузню только ради пожара, а устроив его, повернули обратно тем же путем, что и прибыли.

Итак, крохотный отряд Марка-Ворона пересек по мосту петлявую речушку Змейку, заплатил две агатки мостовой страже и получил в ответ:

– Добро пожаловать в великое герцогство Альмера. Будьте законопослушны. Счастливой дороги!

Заночевали в Смолдене – милом городишке с бойкой ярмаркой и громадным недостроенным собором. На утро Рыжий попросился:

– Чиф, мне нужно назад в Фаунтерру. У нас там котовасия: императрица ловит министров-казнокрадов. Без вас, конечно, творится бардак, но все ж мое отсутствие рано или поздно заметят.

– Ты – мастер по мертвякам. Если владычица ищет живых казнокрадов, а не их бранные останки, то ты нескоро понадобишься.

– И все же, чиф. Я бы рад с вами быть, но сильно рискую. Дайте мне увольнительную грамоту за подписью лорда-канцлера – тогда сколько угодно!..

Марк поразмыслил и махнул рукой.

– Ладно, так даже лучше. Езжай, но в Фаунтерре узнай для меня кое-что. Ответ пришьешь в почтовое управление Алеридана, на мое имя.

– Будет сделано. А что узнать?

Марк сказал.

– Хм, – ответил Рыжий.

Поскреб затылок и робко полюбопытствовал:

– Чиф, простите, не хочу вас расстроить, но... Как я это узнаю? Того парня уже и след простыл!

– Опросишь людей.

– Опрошу каких людей, чиф? Кайров герцога Ориджина? Больше никого там не было!

– Кайров, греев, боевых коней, герцогиню Аланис, герцога Ориджина – всех, кого понадобится! – Марк хлопнул его по плечу. – Удивляешь меня, приятель. Ты агент протекции, или как?

Когда Рыжий прощался с Марком, его голос звучал весьма озадаченно. Вскоре он пустился в обратный путь.

Альмера. Земля властных дворян и работающего ремесленного люда; земля живописных городов и красной глиняной пыли. Земля, простоявшая в стороне от войны, сохранившая всю свою силу. Земля, где погиб владыка Адриан.

Как найти здесь банду? Нет никакого резона вести расспросы. Если Ворон прав, и бандиты носили военные мундиры, то никто их не вспомнит. «Проезжали ли солдаты?.. Да солдат было больше, чем лягушек в пруду!» Но оставалась надежда... нет, как-то мерзко надеяться на такое... скажем, не надежда, а обоснованное опасение: кровавая дорожка и дальше тянется за бандой. Тогда, как и в Землях Короны, ее можно проследить по книгам налогового учета. Смолден со всем окрестностями подчинен графству Эрроубэк, значит, нужные книги – в канцелярии графа. А значит, дорога Ворона ведет в замок Бэк – тот самый, возле которого рухнул в реку императорский поезд.

Эти мысли заставили Марка понуриться. Он пытался унять печаль, разжигая в себе былую обиду. За что Адриан услали его к Ориджину? Почему так сурово наказал за небольшую ошибку?.. Но стало лишь хуже. Они расстались врагами: владыка унес в сердце гнев, а Марк затаил обиду, – и с тех пор уже больше не виделись. Самый скверный вариант прощания...

Тогда он искал утешения в своей миссии. Он сделает нечто достойное памяти Адриана: вернет Короне достояние!.. Но от этого сделалось совсем тошно. Вернуть Предметы шансов почти нет. Они, поди, уж на другом краю материка, в чьих-то каменных подземельях, под стражей сотен мечей... Зато вполне возможно было бы найти убийцу Адриана – но лорд-канцлер не дал Марку такого права. Вот тьма же темная...

По итогам всех раздумий, Марку хотелось примерно такого: пришпорить коня и ускакать куда подальше. Там, в подальше, первым делом напиться до чертиков. Вторым делом – найти бабу на денек-третий. Потом еще разок напиться, чтобы выгнать остатки гнилых мыслей, а потом уж заняться тем, чем следовало: поисками убийцы.

Впрочем, Марк не сделал этого. Остановило, конечно, не обещание, данное лорду-канцлеру, и не страх перед Дедом: тот бывал грозным, но уж точно – не прытким. Удержало Марка любопытство: эту ниточку с похитителями Предметов хотелось докрутить до конца. Нет, Предметов не вернуть – без шансов. Но можно понять картину преступления – вроде бы ясную, да еще не полностью.

Так они проехали в угрюмом молчании не одну милю, как Дед вдруг сказал:

– Послушай-ка, Ворон, одну историю. Молодая герцогиня попала в переделку и, раненая, бежала от врагов. С нею был лишь один воин. Он любил ее, потому защищал изо всех сил и покорялся каждой прихоти. Защищал от врагов, уводил от погонь, прятал от злых глаз. Герцогиня же только насмеялась над парнем – мол, недостаточно в нем благородства. Боги наказали ее за бессердечность и послали гнилую кровь. Герцогиня чуть не умерла, но воин

сумел ее спасти. Когда выздоровела, воин признался ей в любви и ожидал благодарности. Но герцогиня его возненавидела.

– Дед, – признался Марк, – как всегда, я ни черта не уловил морали твоей сказки.

– Коли желаешь, то мораль такова: унижение и любовь несовместимы. Но я не ради морали рассказал. Эти двое в истории странствовали по Альмере, и им вечно встречались разные солдаты. Проходу не давали: то воины приарха, то графа, то шерифа, то еще чьи-нибудь. Если верить притче, Альмера – очень плохое место, чтобы скрываться.

Ворон хмыкнул.

– Ну, бандиты пустили ложный след в Надежду. Может, думали, что в Альмере их искать не станут.

– Может... – развел руками Дед.

– Постой-ка, – спохватился Марк. – Ты зачем пояснил мне смысл?

– Ты же сказал, что не понял.

– Я всегда так говорю, и ты никогда не поясняешь. Чтобы я, значит, сам додумывал и мозги разминал. А теперь вдруг выложил... Это что, по-твоему, я уже безнадежен?

Дед кивнул:

– Прости, Ворон, моя ошибка. Не хотел тебя обидеть.

Он умолк и взялся за дудку. При всей любви к рассказам, Дед знал цену слову. Говорил всегда в меру, ровно столько, чтобы дать собеседнику пищу для ума, – и ни словечком больше. Вот и теперь Дед молчал, а Ворон думал: уже не о своих печалях, а об Альмере. Почему бандиты подались сюда? Прав Дед: Альмера – плохая земля, чтобы прятаться. В Короне и Пути бояться северян, кто угодно сойдет за своего – лишь бы не кайр. В Надежде дрожат перед шаванами, любого примут с радостью, если он не западник. Но Альмера – дело иное. Вассалы боятся Галларда, Галлард сомневается в вассалах. Никто ни в ком не уверен, все друг друга подозревают. Если в чей-то замок прибудет вооруженный отряд, соседи непременно узнают и зададутся вопросом. Тогда почему банда выбрала Альмеру?

Ехала ли сквозь Красную Землю дальше?... Это куда – на Запад, что ли? Тогда, выходит, наниматель – шаван? Чушь какая-то. Сложно поверить, чтобы некий шаван настолько понимал столичные дела и смог так ловко устроить похищение. Или Альмера – конечная точка пути банды? Тогда наниматель – альмерский лорд или богач, или преступный воротила. И те, и другие, и третьи – на учете у Галларда. Взять полный список, отбросить тех, кто не из графства Эрроубэк, и тех, кто в декабре не был дома, и тех, кто по складу характера не рискнет... Этак мы простым перебором найдем похитителя! Не слишком ли легко?

Тогда, может, похититель – сам приарх Галлард? Его рота пропустила поезда Ориджина в столицу. Если ротный командир тут же послал птицу Галларду, а тот – немедленно «волну» в Фаунтерру, своим людям, то, вроде, мог успеть... Но все же плохо, гнилой ниткой шито. Времени на подготовку очень мало, а Галлард – конечно, негодяй, но и ортодокс тоже. Угробить брата и племянницу ради власти над герцогством – это мог. Но выкрасть гору Священных Предметов – это странно, не в его духе...

Так ехали они все дальше на запад: Дед то наигрывал мелодию, то поучал Внучка, Внучок впитывал мудрость и глазел по сторонам, Марк молча размышлял. Ближе к Бэку одна странность бросилась в глаза и выдернула его из раздумий: люди стали какими-то тревожными. Путники, издали завидев тройку всадников, убегали с дороги. Если мимо проезжала телега, то крестьянин вжимал голову в плечи и прятался в ворота своего тулупа. Если входили в таверну, разговоры в зале замирали, и люди принимались быстро жевать, не поднимая глаз. В гостинице, куда пришли на ночлег, хозяин прямо замер за стойкой. Кажется, никак не мог выбрать меньший риск: соврать чужакам, что мест нет, или оставить их на ночь под своей крышей.

– Мы пастухи, – сказал Дед.

Вообще-то, лишь один Дед походил на пастуха, а Марк больше напоминал плута, а Внучок – костолома. Но сам факт пояснения успокоил хозяина. Видно, те, кого он боялся, вовсе не утруждались бы представлениями.

– Ну, раз пастухи, то проходите. Найду вам комнату...

– Чего все такие пуганые? – спросил Марк позже, заказав элю. – Вы же в курсе, что война уже кончилась?

– Да причем тут война? Банда у нас бродит.

– Не у нас, а на том берегу Бэка, – вмешалась жена хозяина.

– Сегодня на том, а завтра уже на этом, – возразил хозяин. – Ей реку переехать – раз плюнуть.

– Что за банда? – насторожился Марк.

– Головорезы окайные. Налетают, всех убивают, все деньги забирают.

– На кого нападают?

– Ну, ясно: на тех, у кого деньги есть.

Жена хозяина засмеялась:

– Чего ж ты тогда боишься? У тебя отродясь денег не было! Сейчас заплатят тебе за комнату – до завтра ничего не останется.

– Так все ж на тебя уходит! – Огрызнулся хозяин. – То тебе одно, то другое...

– Вы еще про банду расскажите, – направил Марк в нужное русло.

– Их, говорят, девять рыл... – сказал хозяин.

– Десять, – поправила жена.

– Бьют богачей...

– Не богачей, а банки.

– Налетают и режут всех подчистую, чтобы свидетелей не осталось.

– Не затем, чтобы свидетелей! Совсем ты людей запутал!.. Слушайте меня, пастухи: банда всех убивает для ритуала. Они служат Темному Идо, тот им и велит убивать. Иногда просто режут, а то и головы мертвецам оттяпают, с собой унесут. Причем же тут свидетели?

– Значит, в Альмере завелись идовы поклонники?

– Да ужас. Говорить страшно...

Тут было о чем подумать. Марк обмозговал ситуацию как следует и явной связи со своим делом не нашел. В этой банде десять человек, в той было сорок. Эти берут деньги, те похитили Предметы. Эти убивают всех подчистую, те – тоже, но хотя бы головы не отрезали. Пожалуй, другая банда...

– Что скажешь, Дед?

Тот довел до конца очередную мелодию, хлебнул элю и рассказал байку про козу, енота и плотника. Ничего общего с бандитами она не имела.

* * *

На третий день пути они подъехали к замку Бэк. Тьма сожри, это было красивое место! Стена из гигантских каменных блоков преграждала путь реке, загоняла в узкие туннели. Вода пробиралась ими, вращая колеса искровых машин, а затем яростно вырывалась сквозь отверстия в основании плотины. Вода ревела и бурлила, вся река на сотни ярдов от стены белела пеной вместо льда. А высоко над водою, наверху плотины громоздился целый город: дома и домики, башни и башенки, балконы и мостики – все опутанное проводами, сияющее медью искровых машин. Оба въезда в сказочный город прикрывали бастионы, столь же могучие, как и сама плотина.

– Красиво, тьма сожри! – так и сказал Внучок.

Дед сразу отвесил ему подзатыльник:

– Не призывай тьму – она и сама явится.

Тьма, действительно, не замедлила явиться. Дюжина всадников с двумя стрелами на гербах возникла будто из-под земли. Не успели путники опомниться, как уже были схвачены в кольцо.

– Кто такие?! – спросил командир Деда, увидев в нем старшего.

– Тут нужно уточнение, – отметил Дед. – Кто такие – мы или вы?

– Умник выискался?! – рыкнул командир, наступая на Деда. Тот и бровью не повел.

– Видишь, воин: со мной уже все понятно – я Умник. Осталось выяснить твое имя.

Командир отряда покраснел от злости:

– Ты вздумал хамить людям графа Эрроубэка?! Что, старик, устал жить на белом свете?!

Марк мог вмешаться, но любопытно было досмотреть до конца – увидеть, на что способен Дед. Тем более, что тот не выказывал признаков замешательства.

– Я и не думал хамить, солдат. Коль тебе привиделось хамство, спроси себя: не искажает ли твой разум слова, воспринятые слухом?

Командир зарычал, как цепной кобель, и замахнулся нагайкой на Деда. Марк ожидал сюрприза и лишь потому успел рассмотреть, как Дед вскинул руку, ухватил нагайку и резко дернул. Командир отряда выпал из седла. В следующий миг конь Деда, не особо даже понукаемый, как бы случайно сделал шаг в сторону. Тяжелое копыто опустилось на шлем лежащего – но не нажало в полный вес, лишь слегка придавило. Конь застыл, наострив уши и размышляя: не опереться ли на эту ногу?..

Дед оглядел всадников – надо заметить, их вид был далек от хладнокровного, – и сказал:

– Люди графа Эрроубэка, примите мой совет и спросите себя: хотите ли конфликта с людьми герцога Ориджина?

– Вы от герцога?.. – просипел командир из-под копыта.

– Слух явно подводит тебя, воин: я сказал вполне ясно, а ты не расслышал. Из сострадания к твоему недугу, я заменю устную речь письменной.

Дед тронул коня, чтобы тот сделал шаг назад. Затем извлек из-за пазухи свернутый лист и подал командиру отряда, который, пытаясь, поднялся на ноги.

– Дорожная... грамота... – медленно прочел вслух командир. – Именем Великого... Дома Ориджина... просим каждого встречного... оказать содействие... Тьфу! Что ж вы не сказали сразу?!

– Как изменилось бы от этого течение нашей беседы?

– Приказано проводить вас в замок Бэк!

– Нас?.. Разве граф ждал нашего прибытия?

– Если явятся люди лорда Ориджина или леди Аланис, вести их в замок немедленно. Всех остальных держать от замка подальше. Таков приказ милорда.

– Это совпадает с нашими намерениями. Будьте добры, воины, проводите нас в замок.

– Минуту, – вмешался Марк. – Сначала мы хотим туда.

Он указал на юг: примерно в миле вниз по течению реку пересекал рельсовый мост с зияющей дырой в одном из пролетов.

– Невозможно! – рявкнул командир. Спихватился и сказал спокойнее: – Виноват, но граф не велел. У меня приказ: людей Ориджина вести сразу в замок, не к мосту. Когда милорд вас примет, скажите ему про мост. Коль прикажет – отведем.

– Что ж, да будет так, – смирился Ворон.

По дороге к замку они повстречали еще два патруля и добрый десяток телег, везущих припасы в цитадель Эрроубэка. На стенах тут и там маячили фигуры стрелков.

– Граф, никак, готовится к осаде, – предположил Марк.

– Милорд всегда настороже, – заявил командир отряда. – В наше время никому нельзя доверять. Если владыку убили прямо посреди Альмеры, то все возможно!

Судя по напряженной бдительности патрулей, гибель владыки действительно растревожила графа. Но кое-какие меры явно были приняты раньше: и первые, и вторые ворота усилены решеткой из стальных прутьев – неуязвимых для огня.

– Граф насторожился после смерти императора? Или еще после герцога Айдена?

Командир удивился:

– Я же сказал: милорд всегда настороже!

Внутри бастион был переполнен людом – в большинстве своем, вооруженным. Ворон представил себе офицеров стражи, рвущихся к Эрроубэку с докладами: “У ворот спокойно: кто не от Ориджина – всех разогнали! По берегам реки порядок, песчинка к песчинке! Под водой тихо, среди рыб шпионов не обнаружено!” На что граф отвечает: “Так держать, служите верно! Возьмите под контроль еще лошадей в конюшне и крыс в подвалах. Никому не давайте спуска!” Как бы не неделю нам ждать аудиенции, – подумал Марк, – любопытно, будут ли кормить в дни ожидания? Однако он ошибся. Через пару минут трое путников уже грели ягодицы о мягкие кресла в графском холле, а спустя полчаса к ним вышел рыцарь.

– Его милость примет вас. Только оставьте оружие.

Оружия нашлось всего ничего: дубинка у Внучка да пастуший топорик у Деда. Отдав оба предмета, они зашагали по лестнице вслед за рыцарем. Тот шаркал ногой и заметно хромал.

Графская светлица ослепляла красотой. Шесть окон в полукруглой стене открывали вид на пенистый Бэк, стремящийся вдаль. Высота была такой, что река казалась не шире тропинки. Вся земля лежала далеко-далеко внизу, а уровень с окнами – одно необъятное небо.

Граф Эрроубэк восседал за столом, с улыбкой наблюдая разинутые рты гостей. Марк переключил на него внимание, едва сумел отвлечься от заоконного вида. Невысокий шуплый человечек, востроглазый, востроносый – похожий на многих еленовцев. Что мы помним о нем, ну-ка? Третий по влиятельности лорд Альмеры, хозяин искрового цеха. Сорок семь – или девять – лет. Жена, пятеро детей, по альтиессе в Фаунтерре и Алеридане. Был дружен с герцогом Айденом, а значит, на ножах с Галлардом. Возможно, этим и объясняется обилие стражи. При дворе появлялся многократно, но в подковерные дела не лез, ограничивался светскими хороводами. Нередко показывался возле леди Аланис. Будучи старше ее лет на тридцать, всегда выдерживал этакий галантно-покровительственный тон... за которым нет-нет да и угадывалось желание стянуть с герцогини туфельку и обсосать каждый пальчик. Что еще о нем сказать? Можно вспомнить родовую черту еленовцев: смесь осторожности с азартом. Правильный еленовец бездумно не просадит и агатку; но, хорошо взвесив шансы, может бросить на кон миллион золотых... если, конечно, имеет.

– Желаем здравия вашей милости, – поклонился Марк.

– И вам здравия, гости! – граф хлопнул в ладоши жестом, который смотрелся бы весьма радушно, если б не четверо рыцарей стражи за спиной лорда. Зачем их столько?..

– Позвольте нам отрекомендоваться... – начал Марк, но граф прервал его:

– Ворон Короны никак не нуждается в представлениях! В прошлом глава протекции, теперь – личный посланник лорда-канцлера.

Марка покорило от «личного посланника», но возражать он не стал, ограничился поклоном.

– А с вами – двое чистокровных северян. Надо полагать, славный кайр и его ученик. Верно?

Дед последовал мудрому примеру Марка – не спорить:

– К вашим услугам, милорд.

Эрроубэк справился о здоровье лорда-канцлера, его матери и сестры, а также леди Аланис. Марк заверил графа, что все означенные лица полны сил и не страдают никакой хворью,

кроме душевной. А последнее – неизбежно, ведь у благородного человека душа обязана болеть по какому-нибудь поводу. Какое благородство без страданий?

– Ах, как это верно! – граф всплеснул руками. – Так давайте же ослабим душевную боль кубком вина!

Один из рыцарей наполнил чаши и подал хозяину и гостям. Марк отметил: неспроста рыцарь выполняет роль слуги. Видимо, лишь самые доверенные люди допущены графом к этой беседе. Но откуда он заранее знает, о чем пойдет разговор?..

– Теперь, судари, – сказал Эрроубэк, приложившись к кубку, – я готов услышать высочайшее послание лорда-канцлера.

Марк как мог скрыл озадаченность.

– Ваша светлость правы: послание имело место. Герцог Ориджин лично послал нас в путь. Следуя пути, мы и прибыли в ваш замок.

– Я рад, что вы добрались удачно, и внимательно слушаю вас, сударь. Что герцог передал мне?

– Виноват, ваша милость... А разве он должен был что-то вам передать?

– А по-вашему, не должен был? – кажется, усы Эрроубэка ошетинились. – Это ваш вывод или слова герцога?

– Слова о чем?.. Простите, ваша милость, но я утратил нить.

– Герцог Ориджин не передал никаких слов для меня?

– Простите, ваша милость: ни единого.

– Тогда, возможно, он дал вам письмо?

– Письмо, ваша милость? Зачем ему давать мне письмо, если мы виделись лично? Все, что хотел сказать, он сказал непосредственно устами...

Граф хлопнул ладонью по столу.

– Любезный Ворон, я начинаю терять терпение! Вы прибыли от герцога Ориджина – так или нет?

– Совершенно точно.

– Но не принесли от него ни устного слова, ни письма?

– Никак нет.

– Зачем же вы явились?

– Кхм-кхм...

Дед умудрился откашляться столь значительно, что все умолкли и обратили к нему взгляды.

– Позвольте, милорд, поведать вам историю. Одна дамочка родила ребенка – сынишку. Души в нем не чаяла и всяко обхаживала, но скоро у младенца обнаружилась странная черта: очень любил поспать. Храпит ночью, сопит днем, проснется – пососет грудь и снова глазки закроет. Дамочка взволновалась: как же проявить себя хорошей матерью, коль дитя все время спит? Решила: стану читать ему азбуку. Он во сне выучится, а проснется уже грамотным. Взялась за дело, десять раз всю азбуку прочла, потом еще пару словарей правописания. Сынишка спит себе. Откроет глазки – пососет грудь, и снова в сон. Дамочка мечется пуще прежнего: как же мне быть хорошей матерью? Решила: прочту ему Святое Писание – проснется благоверным. Прочла и Сошествие, и Деяния, и четыре тома дневников Янмэй впридачу. Младенчик спит, как спал. Дамочка в слезы: ох, не бывать мне хорошей матерью, ах, ударила в грязь лицом! Но решила: попробую рядом с ним решать задачки. Проснется – будет счет знать. Изрешала два учебника, исписала шесть тетрадей – и с делением, и с умножением, и с иксами... Младенец знай себе спит. Тут дамочка не выдержала, порвала на себе волосы и вскричала: «Да проснись же ты, несчастный! Сколько сил тебе отдала!» Младенчик открыл глазки и сказал в ответ: «Помилосердствуйте, маменька, дайте же себе покой. Все глаз не смыкаете над книгами – и себя изводите, и меня мучите. Поспите наконец!»

Дед умолк. Граф еще с минуту ожидал продолжения, но северянин хранил полную безмятежность. Граф не выдержал:

– И что сие значит?

Ответил Марк:

– Простите, ваша милость, но Дед никогда не поясняет смысла. Ничего с ним не поделаешь – таков уж есть. Как ни крути, придется нам с вами напрячься и разгадать самим.

Заметив недовольную мину на графском лице, Марк поспешил добавить:

– Я думаю, тут смысл вот какой. Не надо ждать от герцога писем, пока он спит. А уж тем более не стоит учить его грамоте. Проснется – сам напишет кому надо.

– Хм... – Эрроубэк пригладил усы. – Что ж, приношу извинения за свою несдержанность. Передайте герцогу Ориджину, что я никоим образом не пытался его поторопить.

– Он будет рад это слышать, – заверил Марк. – А сейчас будьте так добры, окажите небольшую помощь людям его светлости.

– Все, что будет в моих силах.

– Позвольте просмотреть книги налогового учета по вашему графству. Не считите, что мы пытаемся заглянуть в ваш карман – вовсе не суммы интересуют нас, а убыль налогоплательщиков. Волею герцога мы идем по следу одной банды, следом же являются мертвецы.

– Что за банда действует в моих землях? – насторожился граф.

Рассказывать о похитителях Перстов вовсе не хотелось. Марк использовал то, что так удачно выведal в гостинице:

– Банда из десяти человек, что грабит банки, убивая всех подряд.

– А, безумные западники... Слышал о них. Но, во-первых, они грабят только банки Шейланда, не альмерские. А во-вторых, орудуют в графстве Дэйнайт, не в моем.

– Есть основания считать, что начинали они в землях вашей милости еще в декабре. Но тогда больше осторожничали и остались незамечены.

– Возможно... Но отчего они интересуют лорда-канцлера? Простые дезертиры из орды Степного Огня.

– Ходят слухи, что деньги – не главное для этих грабителей. Они приносят людей в жертву Темному Идо, а тот взамен снабжает их колдовской силой.

– Пф!.. Крестьянские глупости!

– Кхм-кхм, – откашлялся Дед. – Позвольте, милорд, поведать историю. Жил-был один богач, что вечно смеялся над крестьянами. Как увидит пахаря за плугом, так и хохочет, а глянет на доярку с коровой – прямо живот надрывает. Но вот однажды...

Граф махнул рукой:

– Довольно, кайр! Я вас понял: теперь такое время, что ночные кошмары становятся явью, а крестьянские сказки – суровым фактом. Хорошо, я помогу. Записи какого периода вас интересуют?

– Середина и конец декабря, милорд.

– Сир Беллем, будьте добры...

Рыцарь отправился за учетными книгами. Граф в ожидании пил вино, а Марк смотрел на реку. Солнце клонилось к закату, и разрушенный мост казался черным костяком на фоне розового неба. Скелет моста над могилой людей...

Вряд ли вопрос касался дела, но Марк не мог не спросить:

– Скажите, милорд, как это случилось?

– Ужасно, – сразу ответил граф. – Чудовищная трагедия. Спору нет, деяния Адриана были сомнительны с точки зрения морали. Однако такая гибель...

Он вздохнул, горестно прижав ладони к груди.

– То было на рассвете. Я еще спал, когда случилось худшее. Узнал лишь позже. Мост... Горько, что нынешние архитекторы так уступают мастерству Праматерей! Мост не выдержал

морозов. Вода, просочившись в стыки, замерзла и нарушила прочность полотна. Оно не выдержало массы поезда и проломилось... Бедные крестьяне, что рыбачили по берегам Бэка, увидели этот кошмар. Императорский состав рухнул на отмель и обратился в груды смятых обломков. Угли высыпались из печей, которыми отапливались вагоны. Вспыхнул пожар и мигом охватил все, что осталось от поезда. Но владыка Адриан был еще жив!.. Рыбаки видели, как он выбрался на крышу вагона, объятый пламенем, и собрался прыгнуть в реку. Адриан был очень крепок телом, он пережил бы прыжок. Но проклятый шут Менсон подкрался сзади и всадил кинжал в спину владыки. За все добро, что даровал ему Адриан, отплатил черною изменой!..

Граф Эрроубэк уронил голову на руки. Все застыли в тягостном молчании.

Его прервал лишь сир Беллем, вернувшийся с книгами учета.

– Прошу, сударь.

Марк пролистал их, нашел нужную неделю, довольно быстро разыскал и запись о снятии с учета. Одну, малоприметную, очень знакомую по смыслу: трактир «Джек Баклер» уничтожен пожаром, хозяин погиб. Расположен в трех милях к западу от деревни Дорожный Столб.

– Благодарю вас, милорд, – Марк с поклоном вернул книгу.

Граф Эрроубэк предложил гостям ночлег в замке, Ворон отказался. Не по душе ему был ни замок, ни хозяин, но такую причину, конечно, вслух не назовешь.

– Мы не станем злоупотреблять гостеприимством милорда. Замок и без нас переполнен людьми...

Марк выдержал паузу. Граф оставил без комментариев его замечание. Ворон окончил:

– Так что лучше мы заночуем в ближайшем городе.

– Я пошлю отряд, чтобы сопроводить вас туда в полной безопасности. Как вы сами заметили, дороги кишат бандитами.

– Ваша милость, мы хотели бы сперва осмотреть мост. Не прикажете ли отряду проводить нас к нему?

– Мост?.. – удивился Эрроубэк. – Вы имеете в виду, разрушенный?

– Да, милорд.

– Не вижу причин его осматривать. Он не представляет никакого интереса.

– Но позвольте: это место гибели владыки Адриана! Часто ли вам доводилось бывать там, где был убит император? Мне – ни разу.

Граф неприязненно поджал губы.

– Подобное любопытство не делает вам чести, сударь. Какая бы вина ни лежала на Адриане, так или иначе, он был великим человеком. Имейте уважение!

– Милорд, я ни в коем случае...

– К тому же, мост поврежден и опасен для жизни, – отрезал граф. – Если сорветесь в реку, ваша гибель окажется на моей совести, а это недопустимо. Отряд доставит вас в город. Счастливого пути, судари.

Они выехали на западный берег Бэка, сопровождаемые дюжиной конников. Здесь их ждало еще одно свидетельство того, сколь чужда беспечность графу Эрроубэку: целый батальон занимал укрепленные позиции вдоль западной стены замка. И с Перстами Вильгельма, и, тем более, без них прорваться в графскую цитадель было бы весьма непросто.

Еще несколько миль попадались на глаза конные разъезды с двумя стрелами на гербах. Лишь когда замок вовсе исчез из виду, графское воинство пошло на убыль. Доведя путников до ворот города Бельвилля, эскорт убрался восвояси. Тогда Ворон спросил:

– Дед, ты умный мужик... Как думаешь: граф причастен?

Дед приложил ко рту дудку и издал длинный уверенный посвист: «И-иииууу».

– Мне тоже так показалось. По-твоему, он украл Предметы?

Свист пошел волнами, на манер песни кукушки: «Ффи-фуу. Ффи-фуу».

– И я думаю, не он. Мы еще проверим трактир «Джек Баклер», но похоже, там поработала наша банда. То бишь, в графском замке она не осталась, а двинула дальше на запад.

«Уууу», – продудел Дед.

– И солдат граф созвал слишком много. Они привлекают лишнее внимание, а от северян все равно не спасут. Если бы граф украл Предметы, лучшей защитой была бы скрытность, а не мечи.

“Уууу”, – согласно выдул Дед.

– Но совесть у Эрроубэка все ж нечиста. Сильно виляет хвостом перед герцогом. В чем-то граф замешан, а герцог это знает. Согласен, Дед?

«Уль-лю-лю лю-лю!»

Дед выдал трель и отнял чимбук от губ.

– Внучок, найди-ка нам гостиницу. Больно спать охота.

Искра – 7

Шаг третий: изыскать стартовые средства

Даме на портрете исполнилось около сорока лет. Раскосые глаза и лукавые ямочки на щеках выдавали янмэйскую породу, но, в отличие от Милосердной Праматери и Минервы Стагфорт, дама была высока. Белое атласное платье идеально ложилось на ее стройную фигуру. Ткань усыпали золотые узоры – не сурово геральдические, как принято среди вельмож, а жизнерадостно природные, будто на алтаре какого-нибудь степного капища. По краю декольте переплетались стеблями цветы, на рукавах пели пташки, по подолу скакали крохотные кони. Диадема, украшавшая голову дамы, представляла собою филигранное плетение золотой проволоки и напоминала не то колосья пшеницы, тянущиеся к солнцу, не то огоньки над свечами. Наряд женщины, как и цветущий сад, изображенный на фоне, дышал буйной, радостной весною.

Юлиана Оранта Аделия, она же – Юлиана Великая. Владычица, что правила половину столетия, положила конец Лошадиным Войнам, утвердила границы Империи, с тех пор ни разу не нарушавшиеся, и ввела в действие единственный кодекс законов, который смог учесть нравы всех земель Полариса. Государыня, принеся миру справедливость.

– Каково ваше мнение о портрете, сударь?

Мужчина был одет в клетчатую жилетку и золоченый сюртук, какие носят успешные коммерсанты. Цепочка от карманных часов вальяжно блестело на груди, округло выпирало пузико, розовели брыластые щеки. Две черточки, однако, ломали образ добродушия: сжатый в линию кривой рот и мелкие близко посаженные глазки. Мужчину звали Дрейфус Борн. Он вертел в руках тросточку с головой слона.

– Ваше величество позвали меня, чтобы обсудить портрет? Увольте, я не знаток живописи.

И тон, и сказанные слова выдавали неприличное раздражение. Министру следовало выразить восторг – иное чувство не уместно, когда речь идет о портрете Юлианы Великой. Однако министр не чувствовал себя скованным какими-либо рамками.

– Сей зал, – Мира повела руками, – зовется «Дамский праздник». Кроме замечательной фрески на потолке, он знаменит также и тем, что именно здесь владыка Адриан разоблачил мошенничество Сибил и Глории Нортвуд. В ходе реставрации дворца, устроенной лордом-канцлером, ряд прекрасных картин покинул свое исконное место. Я сочла, что лучшей обителью для портрета справедливой Юлиана станет именно этот зал. Вы согласны со мною, сударь?

– Ваше величество, я – не министр двора и не главный декоратор. По малярным делам советуйтесь с ними.

– Я говорю не о виде портрета, сударь, а о моральной стороне. Как полагаете, что сказала бы Юлиана Великая о ваших делишках?

Дрейфус Борн скривился, будто услышал несусветную чушь.

– Вы шутите, ваше величество.

И вдруг Мира почувствовала отвращение. Сильнейшее, до спазмов в желудке. Такое, что впору вывернуть кишки наизнанку и окатить министра блевотиной с ног до головы, от лысой макушки до пряжек на туфлях.

– Скажите, сударь: когда вы предали Адриана? Едва Ориджин заключил с вами сделку, как сразу получил полторы сотни тысяч. Откуда деньги? Конечно, из податей: вы задерживали поступления налогов в казну, пока не договорились с лордом-канцлером. Но сто пятьдесят тысяч – это много. Их не скопить ни за неделю, ни за месяц. Вы перекрыли поступления не в день конца войны, и не в день смерти Адриана, а гораздо раньше. Наверное, в тот же день,

когда в столице начались бои. Кто бы ни победил, любому понадобятся деньги, с любым можно будет поторговаться. Умно, умно!.. Все время, пока майор Бэкфилд грабил собственный город, добывая амуницию, провиант, машины и снаряды – деньги от налогов текли не в казну, а в ваш карман. Бэкфилда возненавидели и свои, и чужие, а вы – чистенький, при должности, с правом на воровство... Вам есть чем гордиться: насколько знаю, никто до вас не имел такой привилегии!

– Это пустой разговор, – брюзгливо бросил Борн. – Я приношу лорду Ориджину один миллион эфесов в год. Остальное – мое дело.

Мира вскричала громче и резче, чем следовало бы:

– Остальное – мое дело! Возможно, вы заметили: прошла война! Сожженные дома, разрушенные дороги, тысячи раненых, десятки тысяч голодных! Я хочу знать, сударь, скольких бедняков можно накормить на те деньги, что вы ежемесячно кладете в карман? Скольких больных вылечить? С какой битвой сравнимы последствия ваших поборов? Сражение у Пикси или вы – что обошлось дороже?!

Дрейфус Борн пялился на нее пустыми бараньими глазами.

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– У меня был очень плохой день... – процедила Мира, и новый приступ тошноты заставил ее умолкнуть.

День, действительно, был ужасен. Не только нынешний, но и два минувших.

Третьего дня Мира окончила подсчет бюджета своего предприятия. Сумма вышла совершенно не утешительной. В тот же день министр путей Лиам Шелье доложил, что все средства, выделенные на ремонт рельсовых дорог, уже исчерпались, работы заморожены, а ни одна линия так и не вошла в строй. Мира потратила двое суток на поиски денег.

Среди дюжины других задач, какие Лейла Тальмир решала для императрицы, было планирование негласных встреч. В официальном графике приемов и торжеств, посещаемых Мирой, фрейлина выискивала предлоги свести ее с нужными людьми и устроить разговор, не привлекающий лишнего внимания. В эти двое суток леди Лейла сотворила чудо: Мире удалось повидаться со всеми, кто хотя бы в теории мог помочь.

Министр двора еженедельно тратит тысячи эфесов на увеселения и декорации. Не готов ли он урезать расходы?.. Жизнерадостный старичок только хлопал ресницами: ффаще феличестфо, я в глаза не вижу этих злосчастных счетов! Фсе они идут прямо на стол к казначею, он разбирается с деньгами, а мое дело – блеск двора!.. Никак не могу сократить расходы, поскольку понятия о них не имею!

Генерал Алексис Смайл располагал средствами на содержание трех полков. Нельзя ли взять из них часть?.. Генерал сокрушенно качал головой: никак нет, ваше величество. Содержание корпуса жестоко урезано Робертом Ориджином: война, мол, окончилась, а полки понесли потери. Теперь обойдутся и половиной бывшего бюджета. Генерал Алексис клялся императрице: мы поможем вашему величеству в чем угодно. Готовы даже к полицейской работе! Нужно будет кого разыскать, схватить, прижать к ногтю – с легкостью. Придется охранять – не побрезгуем и этим. Но денег – увольте, не располагаем...

Стиснув зубы, Мира встретила с Робертом Ориджином. Говорить с представителем агатовского рода было насилием над собой. Но он все же имперский казначей – должен хоть раз пойти навстречу императрице!.. Роберт выслушал ее с предельным вниманием, кивая: «Ага. Ага». Дослушав, сообщил:

– Я наилучшим образом понимаю проблемы вашего величества, поскольку сам борюсь точно с такими же.

Он раскрыл книги учета и скрупулезно, строка за строкой, показал Мире, куда утекают из казны десятки тысяч золотых. Благодаря урокам наставников из Престольной Цитадели Мира смогла проверить баланс и убедиться, что записи ведутся прозрачно и точно, казначей не

скрывает ни единой звездочки. Согласно расчетам, казна тратила больше, чем имела, и влезала в долги. За время правления Миры Корона уже задолжала восемьдесят тысяч мастеровым и торговым гильдиям, а также герцогу Фарвею, который помог Империи ссудой. Мира не сдержала стона:

– О, боги! Лорд-канцлер не просто тратит все, что имеет казна, – а даже больше! Лорд Роберт, почему вы не остановите его?..

– Виноват, ваше величество, но я прихожусь кузену вассалом, а вы – сюзереном. Поговорите с ним. Если он прикажет мне снизить расходы, я выполню сию же минуту. Но спорить с сюзереном я не могу.

Далее в ряду унижительных встреч стояли братья-Нортвуды. Два безмозглых костолома в ходе войны могли разжиться трофейным золотом. И они в долгу перед Мирой: ведь она помиловала Сибил Нортвуд!.. Но и тут владычицу ждало разочарование. Медведи не видели в помиловании никакой ее заслуги, а верили (и не беспричинно), что Сибил спас от плахи Эрвин Ориджин. Странно, но к нему они тоже не питали благодарности.

– Чертов хитрый агатовец! Он сцапал себе трофеи Южного Пути, поскольку сам взял все большие города! Потом заставил мчаться быстрым маршем до столицы – таким быстрым, что мы поспать не успевали, не то что пограбить! А потом, тьма сожри, война кончилась – и мы остались с носом! Да хуже, чем с носом: тысячи наших полегли при Пикси! А бедолаге Дональду раскрошили челюсть – в том самом бою, из которого Ориджин сбежал!

– Я до сих пор не жую мяса, – Дональд говорил с присвистом из-за прорех в зубах. – Супчиком обхожусь, как больной младенец!

– А что до Сибил, – рычал Крейг, – то помилование – это прекрасно, за это спасибо. Но сама Сибил где? А Глория?..

Мира сделала из разговора даже два пренеприятнейших вывода. Во-первых, у Нортвудов тоже нет денег, как и у всех. Во-вторых, они не уберутся восвояси, не получив хоть каких-то барышей от своей победы. Войско медведей останется торчать на Ханае, пока им не отдадут Сибил с Глорией и телегу золота в добавок. То есть – неопределенно долго.

И вот теперь, после всей череды радостей, Мира пыталась пристыдить отпетого ворюгу – с тем же успехом, что учить караса игре в стратемы. Борн кривился, почти не пряча презрения, а Миру мутило, и содержимое кишок просилось наружу – прямиком на его золоченый сюртук.

– У меня был очень плохой день, сударь... Вы поступите разумно, если не станете злить меня еще больше. Одумайтесь. Сделайте шаг назад.

Министр налогов снисходительно вздохнул.

– Я желаю вашему величеству большого женского счастья и детородной силы. Когда вы произведете на свет наследников, то будете воспитывать их, учить морали, стращать наказанием за плохое поведение...

Он потряс рукой, и четыре браслета звякнули друг о друга. Мода южных земель: богачи носят не только обручальный, но и еще по браслету за каждого ребенка.

– У меня, извольте видеть, своих сыновей трое. Младший – ваш ровесник. Так что, ваше величество, я давно не ребенок. Хотите говорить со мной – воздержитесь от нравоучений.

Велик, очень велик был соблазн. Лазурные гвардейцы, несомненно, выполняют приказ, и голова Борна в секунду распрощается с телом. Но что потом? Ориджин прикажет кайрам расправиться с гвардейцами, а на место Борна назначит другого такого же подонка.

Мира вдохнула поглубже.

– Я не о морали говорю, а о сочувствии. Подумайте о людях, из которых вы выжимаете последние соки, чтобы набить свой карман! Подумайте – и опомнитесь. Подайте в казначейство правдивый отчет. Отдайте Короне все, что собрали ее именем. Миллион уйдет лорду-канцлеру, как вы и договорились, но каждый эфес сверх него – я клянусь! – будет потрачен на помощь

людям. Тысячи человек вы спасете от голода, еще тысячи – от ран и хворей. Вы давно уже не бедный человек. Не довольно ли жить ради денег? Не пора ли найти более благородную цель?

Дрейфус Борн только развел руками:

– Не могу понять, о чем говорит ваше величество. Во избежание лишних трат вашего драгоценного времени, позвольте мне откланяться.

Мира сдалась:

– Ступайте.

Он ушел, поигрывая тростью, позвякивая четырьмя браслетами. Жена и три ребенка...

Шаг четвертый: запустить дело

Дегустация вин стала отдыхом для Минервиной души. Это был городской праздник, не дворцовый. На нем собрались старшины гильдий, столичные богачи и чиновники магистрата, а придворные обошли его своим вниманием. В зале дегустации не было ни интригана Ориджина с его бездушным семейством, ни толстозадых Лабелинов, ни пустоголовых медведей, ни вечно восторженного министра двора, ни вечно несчастного министра путей... Потому Мира с большим удовольствием приняла приглашение старейшины гильдии виноделов и явилась на дегустацию в сопровождении лишь леди Тальмир и гвардейского эскорта.

К сожалению, первой, кого встретила Мира в дегустационном зале, оказалась леди Аланис Альмера. Можно было догадаться: леди-бургомистр не откажется посетить праздник городских богачей. Леди Аланис была одета со сдержанной строгостью: узкое черное платье, гранатовое ожерелье и брошь. Красное на черном – напоминание о войне и агатовской мощи, в то же время – лучшее сочетание, чтобы подчеркнуть совершенство фигуры. Зато я умнее, – сказала себе Мира. Добавила: зато я императрица! Ни то, ни другое не исправило настроения.

Леди Аланис со всей изысканностью приветствовала владычицу, горько посетовала на отсутствие лорда-канцлера: он слишком занят перебазированием войск, иначе непременно посетил бы дегустацию. На правах первой дамы праздника, Аланис представила Минерве тех гостей, кто заслуживал этого: шерифа Фаунтерры с его помощником, главу искровой гильдии (самой влиятельной в столице), главу гильдии виноделов (хозяина приема), банкиров Фергюсона, Дей и Конто. Последних Мира хорошо помнила: они предлагали ей крупный кредит и подарили бумажную ассигнацию в качестве визитной карточки. Собственно, встреча с банкирами была одной из причин прийти сюда.

Как и полагается, мероприятие началось сразу, едва императрица с фрейлиной заняли почетные места за столом. Зал дегустаций являл собою просторный, богато обставленный обильно украшенный подвал. Пусть и роскошное, но подземелье – с непременными сыростью и прохладой. А почетный стол Минервы стоял у дальней от входа – самой холодной – стены.

– Мало мне леди Аланис, так еще и холод...

– Это к лучшему, ваше величество, – шепнула фрейлина. – Свежесть поможет вам остаться трезвой.

– На сем пути предвидятся трудности?

– В списке проб двадцать четыре вина. Каждое следует хотя бы пригубить.

Мира улыбнулась. Она не позволяла себе крепких напитков уже больше недели. Обязанность опробовать две дюжины вин виделась скорей заманчивой, чем тягостной.

Распорядитель произнес приветственное слово и дал знак музыкантам. По залу разлилась легкая озорная мелодия. Праздник начался.

– Ваше величество, миледи и милорды! Первым пунктом в нашем нынешнем списке проб стоит прекрасный напиток с побережья Грейс в Южном Пути. Белое сухое вино под названием «Танец дельфина», купаж одна тысяча семьсот шестьдесят девятого года. В то лето стояла удивительная погода: море бодрило виноградники небывало крепким бризом, а солнце за два месяца ни разу не зашло за тучи. Маркиз Грейсенд распорядился при сборе обособить

виноград с подветренных склонов холмов, впитавший в себя свежесть моря и радость солнца. Сейчас вкус моря и солнца предлагается вниманию господ!

Во время речи распорядителя лакеи сновали по залу столь же шустро, сколь бесшумно, и наполняли бокалы удивительно прозрачным напитком с легкой искоркой золота. Когда приготовления окончились, леди Аланис сказала:

– Ваше величество впервые посещает дегустацию в Фаунтерре, потому позволю себе рассказать о нашей традиции. Перед каждой пробой вина один из нас говорит слово о своих успехах прошлого года. Так мы вспоминаем все наши былые достижения, получаем вдохновение для будущих и отдаем должное милости богов.

Затем она передала слово старейшине суконной гильдии. Крепкий мужчина с носом-картошкой подхватился на ноги и напористо оттарабанил:

– Ваше величество, дамы и господа! Мы, мастера-суконщики столицы, за прошлый год открыли три новых мануфактуры и повысили выработку хлопчатой материи на тысячу шестьсот рулонов, а льняной – на тысячу двести! Еще мы создали два покрасочных цеха, и доложу вам, что один из них работает исключительно на окрашивание в красный цвет! Слава богам и Праматери Янмэй!

Он опрокинул содержимое бокала себе в рот, его примеру последовали остальные.

– Хм... адекватный вкус, – прокомментировал глава винодельческой гильдии.

– Соленькое! Селедочки бы к нему! – гаркнул шериф.

– М-да, – выпятил грудь помощник шерифа.

Гости допили вино, закусили сырами и оливками. Слуги рысцой убрали бокалы и поставили новые.

– Перейдем же ко второй пробе, господа, – провозгласил распорядитель.

На первый взгляд дегустация представилась Мире скучной затеей: слишком уж однообразно повторялся ритуал. Распорядитель нахваливал вино, кто-то из гостей нахваливал себя, все пили, шериф отпускал шуточку. Потом – все заново по кругу.

Но так было лишь поначалу. С каждой следующей подачей вина гости держались все свободней, а веселья за столом прибавлялось. Сухости в речах убывало, шутки становились забавней, смех – громче.

– Дамы и господа! Я, старейшина гильдии строителей, заверяю вас, что за минувший год мы возвели две церкви, три дворца, четыре моста, пять чего-то и шесть еще чего-то – я уж и сам не помню. Словом, поверьте на слово: мы очень много всякого построили!

– И что, ничего не развалилось?

– С божьей помощью все стоит!

– До первого ветра, га-га-га!

– Так выпьем же за тихую погоду!..

– Хм... вкус весьма пунктирно обозначен.

Слово предоставлялось гостям по возрастающей – от самых незначительных, вроде старейшин суконщиков и гончаров, к более весомым фигурам, как главы строителей и корабельщиков. Очевидно, Мире предстояло говорить последней. Догадалась об этом и леди Лейла, что явствовало из ее настойчиво повторяемого шепота:

– Ваше величество, будьте сдержаны. Из каждого бокала не больше глотка!

– Ах, оставьте! Я же не пьяница!..

Соблазн выпить больше глотка был велик, и Мира порою поддавалась ему. Пожалуй, даже несколько чаще, чем «порою». Каждое следующее вино не всегда было вкуснее предыдущего, зато, как правило, крепче, и обязательно – с более изощренной историей. Если первые вина славилась лишь благоприятным годом и древностью винодельческих родов, то последующие непременно обладали какою-нибудь чудесатинкой.

– Этот виноград был собран детскими ручками и подавлен ножками белокурых девственниц... А вот лоза, выращенная на грунте, удобренном смесью апельсиновой цедры и банановой кожуры... Хозяева этих виноградников в течение двенадцати поколений отбирали и прививали самые крупные сорта, и теперь их ягоды имеют размер сливы, а гроздья так тяжелы, что обрываются с лозы, если их не привязать нитью... А для этого великолепного напитка взяты ягоды, сорванные со склонов горы в Бездонный Провал, но задержавшиеся на краю. Сами боги жаждали отведать сего винограда!

Мира все больше входила во вкус дегустации: пила до дна, розовела, хихикала над шутками, которые прежде сочла бы совершенно несуразными.

– Дети собирают, девственницы дают, а разливают старые злобные бабки! Га-га-га!

– Хи-хи...

Леди Лейла все сильнее проявляла тревогу:

– Ваше величество, помните о плане. Ваше величество, здесь банкиры, они нужны вам. Ваше величество, что сказала бы Янмэй?!

Под давлением фрейлины и совести Мира ставила было бокал на стол. Но глава винодельческой гильдии отпускал новый изощренный эпитет во славу вкуса: «Вино, пригодное для питья детьми Праматери!.. Вкус гибок, словно лебединая шея!..» – и Мира допивала до дна.

– Теперь высокому вниманию господ предлагается вино из дурман-ягоды, произрастающей в топиях Дарквотера. Она растет среди самых опасных трясин и обладает чрезвычайной пьянящей силой. Бедные животные, отведав таких ягод, теряют трезвость мысли и тонут в трясине, своими телами удобряя почву под корнями коварного растения. Лишь самые искусные следопыты отваживаются собирать дурман-ягоду, и выживают среди них лишь те, что строго следуют правилу: не пробовать ни ягоды, пока не выйду на твердую землю! Вы же, господа, опробуйте сей редчайший напиток, не подвергаясь никакой опасности.

Вино имело цвет ночного озера. Мира жадно потянулась за бокалом, и леди Лейла толкнула ее ногу.

– Сударыня, что вы себе позволяете?..

Лейла пнула ее с такой силой, что туфелька слетела с ноги.

– Ай!..

– На вас смотрит Аланис Альмера, – процедила фрейлина. – Хотите ее позабавить?

Слова возымели эффект пощечины. Мира только тронула языком вино (действительно, коварно пьянящее) и глянула через стол на герцогиню. Аланис покраснела и весело улыбалась, но глаза были совершенно трезвы. Она контролировала себя куда лучше Миры.

Прекрасно, Минерва! Помним о приоритетах – конечно!

Она поставила левую ногу на каменный пол и припечатала каблуком правой. От боли чуть слезы не брызнули из глаз. Ах, хорошо!

– Вашему величеству нездоровится?.. – проявила участие леди Аланис.

– Горюю о бедных следопытах, погибших во славу вина...

– Вкус извилист, как многоходовая интрига, – констатировал глава виноделов.

– А мы его выведем на чистую воду! – стукнул по столу шериф. – Подать еще стакан – распробую его начисто!

– М-да, – крикнул помощник шерифа.

Слава строгости леди Лейлы: Мира успела опомниться как раз к тому моменту, когда слово предоставили банкирам Фергюсону и Дей. Тем самым банкирам, встреча с которыми неотъемлемым пунктом входила в план Минервы. Тот самый план, ради которого герцог Ориджин, повинаясь скромной просьбе владычицы, переставляет свои батальоны...

– Ваше величество, миледи и милорды. За минувший год мы сделали многое, но я предпочту сказать о том, что пока не выполнено. Владыка Адриан – да будет он счастлив на Звезде – мечтал соединить всю страну сетью рельсовых дорог и сделать самые дальние города близкими,

будто соседние кварталы. Миледи и милорды, не только рельсы способны на это, но и банковская система. Единая сеть банков по всему Поларису, подкрепленная связью по «волне», позволит за день пересылать деньги с края на край материка. Северянин сможет вести торговлю в Шиммери с той же легкостью, будто вышел в соседнюю лавку! Вот это, господа, пока еще не сделано. Но таковы планы банкирского дома Фергюсон и Дей!

Многие гости заплодировали. Господин Фергюсон держался твердо и говорил стремительно, как человек дела. От слов банкира повеяло бодрящей свежестью. Госпожа Дей, его компаньонка, прибавила:

– А если все же говорить о свершениях, то мы трижды вкладывали крупные средства в реформы владыки Адриана. Не одна сотня миль рельсов проложена за наши деньги. Банк Фергюсон и Дей идет в ногу со временем.

Хороши ли они как союзники? – подумала Мира. Можно ли на них положиться? Адриан сотрудничал с ними – это в их пользу. Герцог Ориджин отослал их без разговоров – это тоже хорошо. Слова Фергюсона и Дей внушают доверие – по крайней мере, выдают людей, умеющих добиваться цели. Правда, банкиры... Прошлый знакомый банкир – граф Виттор Шейланд – оставил весьма двойственное впечатление... Но есть ли выбор? Кто еще может помочь в выполнении плана?..

С бокалом нового вина поднялся господин Конто. Этот банкир казался противоположностью своих братьев по цеху: невысокий забавный человечек с круглой лысой головой и роскошными усами дамского угодника. Чуждый нахальства, но способный оценить шутку: Мира не раз замечала, как он посмеивается себе под нос.

– Ваше величество, прекрасная леди-бургомистр, славные господа старейшины! Сейчас полагается сказать о прошлогодних свершениях... Знаете, я просто заработал очень много денег. Это ужасно скучно – одни числа на бумаге... Если бы я посадил дерево или постриг овечку – тогда было бы о чем сказать. Но, к сожалению, я не пастух и не садовник, а всего лишь банкир.

Он с комичной беспомощностью развел руками, и все гости захохотали.

– Браво, господин Конто!

– Вы в своем духе!

– М-да уж!..

Лишь Фергюсон и Дей смирili конкурента недовольными взглядами, которые он предпочел не заметить.

– Мы переходим к одной из жемчужин нынешней дегустации, – значительно провозгласил распорядитель. Музыка притихла, когда слуги внесли диковинную амфору в форме львиной головы. – Вино, что будет представлено вниманию господ, по праву носит титул королевского. Три столетия назад его величество король Шиммери поручил своему маркизу Эйлин-Фраю приготовить особое вино, достойное утонченных вкусов южного двора. Чтобы выполнить задачу, маркиз приобрел земли в головокружительных высотах гор, над входом в долину Львиных Врат. Он разбил виноградники на южном склоне горы таким образом, что солнце освещает их в любое время дня, кроме первого часа рассвета и последнего часа заката. Ни в одной точке мира больше не найдется виноградника, получающего столько лучей тепла! Чтобы возделывать лозу и собирать урожай, маркизу пришлось заложить мост над ущельем Львиных Врат, который так и не был окончен при его жизни. Но потомки маркиза завершили мост и стали собирать урожай самого солнечного винограда в мире. По легенде, однажды горный лев забрел на винокурню и распугал всех тамошних рабочих. Когда они вернулись в сопровождении воинов, чтобы выгнать зверя, то увидели чудесную картину: грозный хищник, попробовав вина, мурлыкал от счастья и позволял людям гладить свою гриву. Вот потому вино и зовется «Счастье льва».

– Леди-бургомистр! – вскричал шериф. – Золотое вино для красивейших дам! Леди Аланис, скажите о своих великих успехах!..

Все мужчины за столом поддержали его. Не возражала и Мира: ее очередь придет в самом конце, а это вино было еще не последним.

Аланис Альмера взяла бокал тонкими своими пальцами – рука чертовски грациозно изломалась в запястье, – качнула ладонью, позволив вину омыть стенки бокала, тихой волною стечь по стеклу. Поднялась – воплощение изящества, искусство в движении... Мужчины затаили дыхание, шериф издал вздох на грани приличия. Мира мучительно ощутила все свое несовершенство: и малый рост, и угловатые плечи, и плохо запудренные синяки под глазами... Леди Аланис молчала, глядя в бокал. Пока длилась пауза, улыбка исчезла с ее лица, губы сжались, сдерживая нечто невысказанное, шрам потемнел от напряжения мимических мышц. Горькое чувство чужих потерь заполнило зал, погасив веселье. Леди Аланис заговорила:

– Мои достижения... что ж, господа, назову лишь одно: я сумела пережить прошлый год. Мне помогали достойные люди: лейтенант Хамфри из гарнизона Эвергарда, брат-лекарь Мариус из обители Марека и Симеона, святой отец Давид, герцог Эрвин София Джессика. Помогали и менее благородные, чьи имена недостойны вашего слуха. Но даже при столь серьезной помощи задача оставалась сложной. Своим упрямством на пути выживания я заслужила ненависть врагов, но также и высокую оценку друзей. Ее величество Минерва сочла меня достойной приглашения в Палату Представителей, а его светлость герцог Ориджин вверил шарф бургомистра Фаунтерры. Нынче поднимаю бокал за здоровье ее величества и его светлости – людей, достигших гораздо большего, чем я.

В мертвой тишине она поклонилась Мире, выпила вино и села на место. Лишь вдох спустя слушатели опомнились и поднесли бокалы к губам. Каждый теперь боялся издать лишний звук. Стекло опускалось на скатерть с предельной осторожностью, приборы лежали без дела, не касаясь тарелок с закусками. Глава виноделов не высказал очередного эпитета, помощник шерифа не выронил: «М-да!», шериф не посмел отпустить шуточку. Банкир Конто все еще ухмылялся в усы, но ухмылка теперь отдавала горечью. Леди Аланис сумела заставить каждого подумать о своих бедах – и сравнить их с ее утратами, с которыми мало что могло сравниться. Зал стыдился своего веселья, еще минуту назад столь бурного.

– Господа, простите меня, – мягко произнесла Аланис, лишь подчеркнув эффект. – Я вовсе не хотела смутить вас и погрузить в уныние. Господин распорядитель, прошу вас: разбейте эту тягостную паузу и прикажите следующую пробу!

Распорядитель отвесил поклон:

– Сию минуту, миледи. Вниманию высочайших господ предлагается последний и лучший напиток нынешнего дня.

По взмаху его руки лакеи засуетились вдоль столов, заменяя бокалы. Чашники внесли в зал бутылки, оплетенные лозой, а поверх нее перехваченные серебряными обручами с сургучными печатями. С великой осторожностью старший чашник скусил обручи специальными щипцами, безукоризненным движением выдернул пробки. Густая рубиновая жидкость плеснула в бокал императрицы.

– Сие вино, господа, зовется «Слезы ночи». Оно произведено во владениях барона Абельхейма, наследника династии виноделов, восходящей к погибшей Империи Железного Солнца. Виноградники Абельхеймов произрастают на острове Валькриди, так далеко отстоящем от западных берегов Полариса, что тамошний рассвет наступает в час нашего заката. Вино, представленное вашему высочайшему вниманию, радует глаз исключительно богатым цветом рубина и источает неповторимый аромат с нотами миндаля, коим обязано особому составу вулканической почвы острова Валькриди. Оно сделано из винограда урожая одна тысяча семьсот шестьдесят третьего года, после чего пять лет выдержано в островных погребах Абельхеймов и один год – в бочках в корабельном трюме. Крышки бочек были выполнены из двух редчайших

сортов дерева: уланга и черного дуба. Бочки намеренно заполнялись лишь наполовину, чтобы напиток качался в них, поочередно омывая то одну, то другую крышки, впитывая благородную терпкость дуба и вязкость уланга. Лишь после этого вино разлито в бутылки и выдержано еще пять лет в абсолютной темноте замкового подземелья, под наблюдением слепых слуг, которые не мешали окончному созреванию напитка тревожащим светом факелов. Ни один виноградник материка не может дать жизни вину, сходному по вкусу с этим. «Слезы ночи» столь же исключительны среди вин, как Праматерь среди смертных людей. Бесспорно, это напиток, достойный уст вашего величества!

Все взгляды обратились к Минерве. Последняя проба, самое ценное вино – разумеется, зал ждет слова императрицы. Мира укусила губу от досады: она понятия не имела, что сказать! Именно ради этой минуты она приехала на дегустацию. Заранее готовила слова – не слишком серьезные, не слишком глупые, с оттенком чудачества и тонкого юмора. Такие, чтобы ее идея казалась забавной прихотью императрицы, а не заранее продуманным планом. Чтобы идею приняли с легкостью, как безобидный каприз высокогородной девицы... Но будь проклята Ала-нис Альмера! После ее слов все чудачества и шуточки вылетели из головы, а думалось теперь лишь об утратах, да и о них – не с привычной печалью, а с дурацкой злобою. Я потеряла отца, любимого и родной дом, чуть не умерла от яда, чуть не погибла под пытками – и эта агатовка смеет думать, что пострадала больше меня?! Мало ей красоты и власти над столицей – абсолютно реальной, в отличие от моей, – подавай еще и превосходство в страданиях!

О нет, нельзя отвечать в ее стиле. Мы не на турнире мучениц! Но как тогда? Отбиться формальностью, поблагодарить всех, чего-нибудь пожелать? Как в этом случае высказать идею? «Кстати, я вот еще подумала...» – самое идиотское начало реплики. Похвалить вино, а от него плавно перейти куда нужно?.. Мира качнула вино в бокале, оно покрыло стекло маслянистой багряной пленкой, весьма похожей на кровь. Миру замутило – так живо вспомнился подвал Шейланда. Ей давали тогда выпить нечто подобное, багрянистое! Чью-то кровь, размешанную в воде. Возможно, кровь Линдси... Это было до того мерзко, что напрочь вылетело из памяти, но теперь вернулось: оттенок совпал идеально!

– Поведайте нам о своих достижениях, ваше величество, – подсказала Лейла Тальмир.

Мои достижения – конечно! Как же я могла забыть! Перечислим по списку: дала себя отравить, угодила в монастырь, не сумела сбежать, побывала в лапах безумца, стала марионеткой интригана, научилась напиваться...

Если все выходы из ситуации плохи, ломай саму ситуацию. Это говорил отец, когда учил играть в стратемы.

Мира улыбнулась своей мысли и просто выпила вино. Не поднимаясь, не говоря здравицу и ни на кого не глядя, – будто была одна в своей спальне. Вино не походило на кровь Линдси, да и на чью-либо еще: оно оказалось восхитительно.

Люди замерли, ошарашенные и даже испуганные. Мучительно спешили понять: что произошло, что означает молчание владычицы? Признание ли собственного бессилия? Суровое ли напоминание о жертвах войны? Крайнее высокомерие, не дающее внучке Янмэй пить с городскими богачами? И как реагировать: встречным молчанием, лестью, вежливой сменой темы?..

Выдержав паузу, Мира с удовольствием облизала губы:

– Прелес-сстно!..

Несколько человек робко улыбнулись.

– Ох, простите, господа! Я поспешила опробовать «Слезы ночи» – аромат был так соблазнителен, что я не устояла. Ужасная бестактность с моей стороны...

– Абсолютное вино, совершенно абсолютное! – воскликнул старейшина винной гильдии.

– Слава виноделам! – молодежато гаркнул шериф.

Тягостная пауза рухнула, все облегченно скалили зубы и опустошали бокалы. Вот теперь ироничный тон Мира пришелся в самое яблочко:

– А что же до моих свершений, то похвастаюсь одним: я уговорила лорда-канцлера переставить два батальона кайров. Представьте, господа: они стояли прямо на Дворцовом острове, своими плащами и шатрами уродуя вид на Ханай. Каково это, по-вашему: просыпаться и видеть в окно сотню-другую северных головорезов?

– Я бы рухнул с кровати, ваше величество! – рявкнул шериф.

– Совершенно верно, я с трудом удерживалась на подушках. Но следует знать лорда-канцлера: он – величайший полководец современности, и потому терпеть не может передвигать войска. Он сказал мне прямо: «Ваше величество, за время войны я по горло насытился всяческими маневрами. Руки опускаются, как подумаю о передвижении хотя бы одной роты. Стоят – и пусть себе стоят, ваше величество. Авось, когда-то сами разойдутся».

– Га-га-га! – прыснул шериф.

Банкир Конто захихикал в усы, леди Аланис против воли усмехнулась.

– Однако я, господа, воззвала к лорду-канцлеру: «Поступите, как подобает рыцарю: защитите слабых и невинных! Ландшафт Дворцового острова невиновен пред богами и людьми, спасите же его от поругания!» Великий полководец дрогнул под моим напором и отдал приказ. Два батальона Ориджинов и полк Нортвудов сегодня покинули мой любимый летний парк!

– Слава императрице!

– Восхитительно!

Мира вскинула ладони, озаренная идеей:

– И теперь я подумала: не провести ли нам апрельскую ярмарку на Дворцовом острове?

– Всенепременно! – рявкнул шериф, не успев понять вопроса.

– На Дворцовом острове, ваше величество?.. – переспросил старшина торговой гильдии.

– Отчего нет? Ведь он теперь свободен от солдат и жаждет мирного веселья, как и все мы. А я так люблю ярмарки!

– И я, ваше величество! – вставил шериф. – Ярмарка прошла – две дюжины воришек за решеткой! Отличная приманка, га-га-га!

Все расхохотались вслед за шерифом. Лишь старшина торговцев сказал без смеха, с тенью стремительных размышлений на лице:

– Ваше величество, позвольте заметить, что в Купеческом квартале – традиционном месте ярмарки – уже построены торговые ряды и увеселительные павильоны, оборудованы склады и подъезды. За оставшееся время, коего есть в наличии только три недели, все это придется перенести на Дворцовый остров...

– Не вижу никакой проблемы, – отмахнулась Мира. – Разве строительная гильдия не согласится помочь?

Старшина строителей также забыл о смехе.

– С великим удовольствием, ваше величество, но за такую спешную работу потребуется, премного извинений, оплата...

– О, боги! Не говорите мне об оплате, господа! Я хочу ярмарку! Ярмарка – это веселье, гомон, яркие одежды, южные сладости... Дайте мне это! А счет пришлите... господам банкирам – Фергюсону, Дей и Конто.

Фергюсон и Дей чуть не разинули рты от удивления. В глазах Конто блеснула хитринка:

– Ваше величество решили принять наше предложение и взять кредит?

– Ее величество оказала вам честь, – строго отчеканила Лейла Тальмир. – Вам бы не переспрашивать, а благодарить с поклоном.

– Премного благодарю, – поклонился Конто.

Фергюсон посыпал словами:

– Ваше величество, предоставить кредит в такие сжатые сроки, когда ничего не оговорено... Мы с великим удовольствием, мы почтем за честь, но такое дело нужно обсудить серьезным нешутейным образом...

– То бишь, вам жалко денег на маленькую прихоть владычицы? – уточнила фрейлина.

– Леди Лейла, – упрекнула ее Мира, – ваше обвинение напрасно. Господа Фергюсон и Дей не могут жалеть денег – ведь они делают их прямо из воздуха. Точнее, из бумаги!

Мира взмахнула векселем, некогда подаренным банкирами.

– Бумажное золото – как это остроумно, не находите? В случае нехватки денег, всегда можно напечатать еще!

– Деньги из бумаги? – гоготнул шериф. – Что будет дальше – деревянные кони? Шерстяные мечи? Га-га-га!

– Ваше величество, – процедил Фергюсон, с трудом скрывая досаду, – бумажная ассигнация – надежное средство платежа. Она имеет твердое хождение среди первых людей Фаунтерры.

– Отчего же только среди первых?.. – Минерва наморщила носик. – А как же сотые люди? А десятитысячные? Правитель должен заботиться о народе. Хочу, чтобы ассигнации стали доступны всем. И чтобы на каждой непременно стояло мое имя!

– Ваше величество шутит, – с горечью сказала госпожа Дей.

– Шутка владычицы – закон для подданных, – обронила фрейлина.

Мира невинным жестом прижала ладони к груди:

– О, я настолько не умею шутить, что жажду взять у господина шерифа пару уроков. Просто если мне что-нибудь нравится, то я иду на поводу у своих желаний. Мне пришлось по душе бумажные деньги: они красивые, легкие, удобно прячутся в муфту... Хочу, чтобы вся торговля на ярмарке осуществлялась ассигнациями!

– Простите, ваше величество?..

И Фергюсон, и Дей, и старшины гильдий, и даже леди Аланис воззрились на нее в недоумении. Все были готовы потакать ее капризам, но предполагали в этом деле разумную меру, и теперь владычица вплотную подошла к черте.

– Ну, да, согласна, – исправилась Мира, – мелкие монетки пускай будут: всякие звездочки да полтинки... Я и забыла-то об их существовании... Но все монеты от глории и выше заменить бумагами с моим именем! Я так хочу!

– Ваше величество отпугнут покупателей, – кротко заметила леди Аланис. – Большинство горожан не имеют ассигнаций. Это редкое средство платежа.

– Не беда: поставим у входа кабинки для обмена. Входя на ярмарку, покупатели будут менять серебро и золото на бумагу. Первым товаром апрельской ярмарки станут деньги! Ну разве не забавно?

– Великолепно... – протянул старейшина виноделов с явным сомнением.

– Констеблям работа – стеречь обменщиков, – сказал шериф.

– М-да! – заявил помощник шерифа.

Минерва всплеснула в ладони:

– Господа, меня посетила еще одна идея! Давайте оживим торговлю и подарим радость простым людям! Праздник весны – это же праздник для всех, господа! Пускай бумажная глория продается за семь серебряных агаток вместо восьми. При каждом обмене серебра на ассигнации Корона доплатит восьмую часть! Такой ярмарки столица еще не видела, правда?!

Лейла Тальмир первой воскликнула:

– Великодушие владычицы не знает границ!

Затем старейшины гильдий осознали, сколько лишнего товара они смогут приобрести на ярмарке благодаря чудачеству императрицы.

– Ваше величество дарят праздник всей столице! Весь город будет славить вас!

Затем и леди Аланис смекнула, что все убытки должна будет покрыть имперская казна, а казна городская лишь приобретет.

– Благодарю вас за щедрый дар горожанам Фаунтерры. Я позабочусь, чтобы гильдии сделали необходимое, и торговые ряды были срочно перенесены на остров.

Лишь банкиры Фергюсон и Дей выглядели так, словно получили удар булавой по шлему. Им-то уже было известно: казна Империи пуста и неподконтрольна владычице, а милая шалость Минервы будет оплачена за счет того кредита, который они так опрометчиво предложили пару месяцев назад.

– Простите, ваше величество, но мы вряд ли успеем изготовить такое множество ассигнаций, – выдвинул последний довод Фергюсон. – Всего три недели, невозможно успеть... Прошу ваше величество перенести ваш прекрасный план на будущий год! Подготовимся как следует, не станем смешить людей лишней спешкою...

– Сударь, Праматерь Янмэй возвела мост за пять минут. Разве кто-нибудь смеется над нею?! Возьмите все типографии Фаунтерры, заплатите им, сколько потребуется. О, боги! Герцог Ориджин за три недели взял столицу – а я прошу всего лишь вагон красивых бумажек!

Мира отвернулась от банкиров, исключив саму возможность возражений. Щелкнула пальцами:

– Будьте добры, еще «Слез ночи»...

Она садилась в карету, когда за спиною, у выхода из погребов гильдии, послышалась возня.

– Стоять! Не позволено!

– Миледи фрейлина обронила веер...

– Не волнует! Ближе ни шагу.

Лысенький смешливый усач Конто пытался прорваться к карете, размахивая веером, будто искровой шпагой. Пара гвардейцев теснили его прочь.

– Господа, он прав, это мой веер, – сказала леди Лейла, и воины посторонились.

– Для меня счастье вернуть его вам, – отвесив галантный поклон, банкир протянул веер фрейлине.

– Ах, господин Конто... Извольте на пару слов, – императрица кивком указала ему место в кабине экипажа.

Едва банкир оказался внутри, капитан Шаттэрхенд и леди Лейла также заняли свои места, дверцы захлопнулись, и карета двинулась по улице.

– Боюсь, что здесь моя вина, – сказала Мира. – Это я попросила леди Лейлу обронить веер.

– Ваше величество очень умны, – низко поклонился Конто.

– О, я не поверю вам без весомых аргументов!

Конто усмехнулся:

– Вы возьмете с купцов плату за право торговать на Дворцовом острове: по одной агатке с каждой глории выручки. Таким образом, ничего не потеряете на дешевой продаже ассигнаций.

Мира хохотнула:

– Ах, я и не думала об этом! Как находчиво!

– Вы пустите в обращение около полумиллиона эфесов бумагой – столько успеют напечатать цеха за три недели. Сразу после ярмарки большинство купцов обменяют бумагу обратно на золото, но не все. Некоторые оценят преимущество ассигнаций и оставят сбережения в них. Другие не вернут деньги в банки, а закупят на них товар – после ярмарки ассигнацию с вашим именем примет к оплате любой серьезный торговец. Полагаю, около двухсот тысяч бумажных эфесов останутся в обращении. Империя – а значит, и ваше величество, – станет богаче на двести тысяч.

– О, господин Конто, вы переоцениваете мои способности к математике! Я – всего лишь девушка, подвластная минутным прихотям.

Он тихо засмеялся в усы.

– Ваше величество, прошу: когда ощутите новую минутную прихоть, связанную с финансами, и вам потребуется помощь банкира – скажите мне слово.

– Как удачно, что вы предложили это, сударь! Намедни меня посетило одно желание: очень хочется иметь банковский счет. Человек с банковским счетом выглядит важнее, серьезнее, вы согласны? Сложно не уважать того, на чье имя открыт счет!

Глаза Конто сузились, лучась лукавством:

– Ваше величество создаст альтернативную казну, не подотчетную Роберту Ориджину?

– Сударь, о чем вы говорите? Смысл напрочь ускользает от меня! Я просто хочу банковский счет, туда будут приходить деньги, а потом уходить, когда я пожелаю. И чтобы никто, кроме вас и меня, не знал, сколько их там. Можно такое устроить?

– Разумеется. Любая прихоть вашего величества!

– Мы подъезжаем к мосту, – предупредила леди Лейла.

Мира велела остановить.

– Простите, сударь, что увезла вас так далеко от гильдии. Не затруднитесь нанять обратный экипаж.

Конто отвесил поклон.

– Позвольте маленький совет, ваше величество. Строительная и печатная гильдии выставят счета за спешную подготовку к ярмарке, а леди-бургомистр попросит средств на оплату усиленной охраны. Общая сумма будет велика: порядка полусотни тысяч. Вы можете покрыть их, взяв кредит у Дей с Фергюсоном, также и я могу дать ссуду... Но мой вам совет: не попадите в зависимость от кого бы то ни было. Используйте свои начальные средства, не чужие. У вашего величества ведь найдется пятьдесят тысяч эфесов?..

Назад к шагу третьему

Войти в толпу – заглянуть в пасть чудовища. Мира с детства помнила слова, прочтенные где-то и поразившие воображение. Сегодня она въезжала в пасть чудовища на карете.

Еще издали стал слышен гул, проникающий сквозь стук подков и грохот колес. Ближе к месту сквозь толщу шума прорезались отдельные выкрики: «Едет!.. Вон она!.. Едет!..» Обладатели самых высоких и пронзительных голосов спешили огласить то, что и без них было очевидно: императорский экипаж с тридцатью всадниками эскорта несясь сквозь город. Остался позади бульвар, оцепленный гвардией по всей полумильной длине, и людской гул стал многократно глубже, мощнее, накатил океанской волной на хрупкие стены кареты. Площадь Милосердия развернулась за окном, от края до края заполоненная народом.

Мира приподняла шторку, чтобы глянуть в жерло монстра. Она увидела бронированные спины воинов, теснящих щитами толпу, и косматого рыжего мужика с сынишкой на плечах, и стаю детей, лезущих на карачках между ног солдат, и пару девиц, и толстяка, и лопухого, и высокую шапку, и руку с флажком, и... Взгляд утонул. Разметался среди тысяч голов чудовища, внимание распалось, не в силах больше обособить из месива хоть одну отдельную личность. И тут заметили ее.

– Глядите! Шторка!..

– Она смотрит!

– Владычица!

– Слава-ааа!

Мира прекрасно помнила: при дворе подданным запрещено смотреть в глаза владыке. Но нравы площадей сильно отличались от придворных. Люди пялились, тарасились, выпучивали глаза. Подскакивали, чтобы лучше разглядеть, указывали пальцами, вопили от возбуждения. Она отшатнулась в сумрак кабины, уронив шторку.

– Не бойтесь, ваше величество, – сказал капитан Шаттэрхенд, – люди всегда такие.

Это меня и пугает, – могла бы ответить Мира.

Экипаж остановился, качнулся напоследок, замер. Конный отряд раздвинулся, загрохотали каблуки пешей стражи, бегом окружающей карету.

– Храните спокойствие, вам ничто не угрожает, – напутствовал капитан. – Не подходите близко к толпе: могут схватить. Но если так случится, не пугайтесь: они хотят только потрогать.

– Как диковинного зверя...

– В лица черни не смотрите – излишне возбуждятся. Смотрите на собор, ваше величество. Просто идите к portalу.

Щелкнув, опустилась ступенька, распахнулась дверца.

– Служу вашему величеству, – отчеканил командир стражи, подавая Мире руку.

Она шагнула на ступеньку, затем на мостовую. Ступенька была сплетением кованых узлов, камни блестели после ночного дождя.

– Уря!.. – пронзительно визгнуло чье-то дитя, и толпа взревела тысячей глоток: – Урррр-раааа!..

Рык чудовища... Мира застыла в оцепенении. Показалось: из орущей пасти монстра летят капли слюны, это от них всюду так влажно и сыро.

– Ваше величество, – Шаттэрхенд осторожно тронул ее плечо.

Какой тьмы я боюсь? При коронации было такое же...

– Слава Янмэээй!.. Минееерррва-ааа!.. – бушевало вокруг.

Правда, тогда я смотрела на толпу с сотни ярдов, не с десяти, как теперь. И была пьяна, и тупа, как механическая кукла...

Капитан сумел найти нужные слова:

– Ваше величество, в бою страшнее.

Она опомнилась, шагнула вперед от кареты. Шаттэрхенд встал за ее плечом, гвардейский эскорт окружил их квадратом. Мира осмелилась поднять глаза.

– Несущая миир!.. Милосердная!..

Чего вы от меня хотите? Сказать что-нибудь? Все равно не услышите за собственными криками. Помахать рукой? Ладони в муфте, и обнажать их никак нельзя.

Мира подняла подбородок – так, будто имела хоть одну причину гордиться собою, – и медленно кивнула.

– Уах!.. – выдохнули ближние и на миг замолкли.

Дальние продолжали вопить, не разглядев ее приветствия. Она кивнула еще раз, и теперь притихли все, кроме дальних околиц. Было бы глупо пытаться говорить с ними: крик недопустим, а ровный голос услышат лишь ближние дюжины. Потому в минутной тишине Мира повернулась и зашагала к portalу сквозь коридор из солдатских спин. Стальной квадрат эскорта не отстал ни на дюйм, будто подвижная клетка, летящая вместе с птицей.

– Славаааа Янмэээй! – встрепенулась толпа.

Нынче день поминовения, – думала Мира, восходя на паперть. Нужно с рассвета молиться за радость душ на Звезде и думать о тех, кто умер зимой. А эти тысячи человек пришли в церковь ради двух моих кивков, о них и будут думать весь день поминовения...

Собор Всемилости имел форму священной спирали. От круглого центрального нефа к восьми portalами вели восемь крытых колоннад, каждая из них изгибалась дугою. Здание закручивалось, будто каменный водоворот. От входа не виден был центральный неф и алтарь. Пока Мира шла по дуге колоннады, главный зал постепенно открывался ее взгляду. Удивительные опоры, свитые из камня, будто из лозы... Скульптуры Праматерей под резными мраморными навесами... Тенистые гrotы капелл с мягким проблеском золота... Бесконечное богатство фресок в нежном свете фонарей... Пол, иссеченный письменами... Гулкая высь купола, блистающие мозаики окон... Мира вступила в центральный неф и вздрогнула от оглушитель-

ного эха собственных шагов. Собор был пуст. Не считая стражи, императрица – единственный прихожанин.

Между рядов скамей она зашагала к исповедальне. Скользнула глазами по молитвенникам, подушечкам для коленопреклонения, чашам для подаяния, фонтанчикам для омовения рук. Пустой собор ждал посетителей. И Священный Предмет уже лежал на алтаре, пока еще под покровом. Это Мире предоставится честь сдернуть ткань и открыть святыню для прихожан... Но только после очистительной исповеди.

Она пошевелила руками в муфте, колючее тепло прошло по пальцам. Остановилась перед алтарем, поклонилась, левой рукой сотворила священную спираль и повернула к ряду исповедальных кабинок. Ближайшая к алтарю была особенно красива: вырезанная из алого мрамора, зашторенная темным бархатом. Здесь – и только здесь! – император Полариса преклоняет колени, чтобы дать отчет Праматерям, а верховная мать Церкви направляет его. Сегодня, в силу нездоровья первой священницы, ее заменяет вторая.

Мира вошла, задвинула штору. В сумраке тесноты встала коленями на подушечку, чинно сложила руки на выступ под окошком, задернутым вуалью.

– Мать Корделия, прошу принять мою исповедь и благословить меня.

– Откройте душу Праматерям, ваше величество.

Бесплотный голос Корделии был низок и шершав; спокоен, но с крупными каменной крошки.

– Совершала ли ваше величество деяния, коих стыдится?

– Да, к сожалению.

– Поведайте о них Праматерям.

– Я была послушницей в монастыре Ульяны Печальной. Движимая жаждой свободы, я нарушила устав и предприняла попытку бегства. Больше того, я подтолкнула к побегу другую послушницу, которая до того дня жаждала благостной смерти и молила Ульяну забрать ее на Звезду.

Взгляд привык к темноте и различил сквозь вуаль силуэт священницы: худую шею, острый упрямый подбородок, необычно короткие волосы. Корделия была ульянинкой.

– Вина ваша очевидна. Она состоит в недостатке смирения и непокорности воле Праматерей. Благородство цели смягчает проступок, но не извиняет. Раскаиваетесь ли вы?

– Да, мать Корделия.

– Готовы ли совершить искупление?

– Да, мать Корделия.

– Вы проведете ночь безо сна, в мыслях о мимолетности жизни и молитвах Сестрице Смерти.

– Благодарю вас, святая мать.

Силуэт за вуалью чуть качнул подбородком, принимая смирение императрицы.

– Испытывает ли ваше величество стыд за иные деяния?

– Да, святая мать. Первые две недели правления я потратила впустую, предаваясь пьянству и самоуничтожению. Я принимала решения не думая и подписывала указы не глядя. Проводила дни в мечтах о кубке вина.

– Миновал ли тот период?

– О, да, мать Корделия. Я тщательно изучаю все документы, что ложатся под мое перо.

– Часто ли вы употребляете крепкие напитки?

– Не чаще одного раза в три дня.

– Ваша вина очевидна. Она состоит в праздности и низменном пристрастии к зелью, дурманящему разум. Став на путь исправления, вы смягчили, но не стерли провинность. Раскаиваетесь ли вы?

– Да, святая мать.

– Готовы ли совершить искупление?

– Да, мать Корделия.

– Две недели вы будете пить только чистую воду. При первом глотке из каждой чаши вы будете просить прощения у Милосердной Янмэй.

– Благодарю, святая мать.

Корделия вновь наклонила подбородок. Сложно судить по одному лишь силуэту, но, кажется, покаяние императрицы доставляло священнице удовольствие.

– Стыдитесь ли вы иных своих деяний?

– Нет, мать Корделия. В остальном я поступала согласно своей совести.

– Совершали ли вы деяния, ставшие предметом гордости?

– Да, святая мать.

– Поведайте о них мне и всеслышащим Праматерям.

– Под руководством мудрых наставников я постаралась постичь тонкости финансового дела, в чем достигла некоторого успеха. Кроме того, я смогла изучить и понять структуру имперского бюджета, несмотря на все многообразие его статей.

Силуэт за вуалью качнулся. Корделия не видела нужды в дальнейших подробностях и уже готовилась похвалить владыческую тягу к знаниям. Однако Мира продолжила:

– Вы сможете в полной мере оценить мой успех, когда я назову цифры, знакомые вам. Праматеринская ветвь Церкви за минувший год собрала пожертвований на сумму в девятьсот шестьдесят тысяч золотых эфесов. Пятьсот сорок тысяч пошли на содержание духовенства (за исключением монастырей, владеющих феодами). Сто девяносто тысяч были переданы школам, пользующимся покровительством Церкви, и восемьдесят – истрачены на реставрацию и обновление храмов. Излишек в сто сорок тысяч эфесов был сохранен в церковной казне, поскольку не имелось единодушного решения об их использовании.

Корделия промедлила с ответом на секунду дольше обычного. Очевидно, задавалась вопросом о том, откуда владычица взяла подобные сведения.

– Ваше стремление к познанию достойно одобрения, – прошуршал голос с крупинками гранита. – Праматери улыбаются вашим успехам. Я благословляю вас двигаться дальше той же дорогой.

– Благодарю вас, святая мать.

– Имеете ли вы иные поводы для гордости?

– Смирение не позволит мне перечислять их, ибо мои достижения ничтожны в сравнении с деяниями Праматерей.

– Похвально, ваше величество, – тон священницы сделался мягче. – Тревожат ли вас вопросы, которые мог бы разрешить совет свыше?

– Да, святая мать. Желая остановить войну и защитить Фаунтерру от мятежников, я силой взяла из храма Перчатку Могущества Янмэй. Мой поступок святотатственен, и я раскаялась бы в нем, если бы Янмэй Милосердная не явила знак, подтверждающий мою правоту: Перчатка наделась на мою ладонь. По известным ему причинам лорд-канцлер скрывает от народа этот факт и приписывает окончание войны моим дипломатическим талантам и своему великодушию. Меж тем, Праматерям известно: я смогла избежать решающего сражения благодаря этому.

Мира вынула ладонь из муфты и подняла к оконцу. В кабинке царил полумрак, но блеск священного металла, покрывающего пальцы, был замечен даже сквозь вуаль.

– Я убеждена, что это событие не прошло безвестно для святой Церкви. Тем не менее, оно до сих пор лишено церковного истолкования. То, что может трактоваться как чудо либо как святотатство, верховные матери обходят молчанием. Это тревожит меня, мать Корделия.

Вуаль ответила до странности быстро – словно имела готовую отповедь.

– Знак слишком неопределен для ясного толкования, ваше величество.

– Насколько я знаю, за шесть столетий Блистательной Династии Перчатка Могущества не давалась в руку никому.

– И тем не менее, знак неясен. Перчатка ответила на ваш зов, но не заговорила. Не явлено канонических признаков чуда. Хотя, конечно, нет и признаков проклятья.

Ну, еще бы! Мира пошевелилась, стараясь встать удобнее, чтобы голос звучал уверенно. На коленях это ох как непросто.

– Сказано Светлой Агатой: видящий да не смолчит. Потому я не смею скрывать того, что вижу. Мне представляется иная причина ваших сомнений. Архиматерь Эллину боги одарили долгожданным покоем, избавив от бремени рассудка. Скоро вам представится шанс занять ее место. Но не признав Перчатку чудом, вы лишитесь моего благословения и не сможете стать главою Церкви. С другой стороны, признав чудо, вы прогневите лорда-канцлера, который считает говорящие Предметы происками Темного Идо. И он использует свое безграничное влияние, чтобы вы также не стали архиматерью. Ваша единственная надежда – замалчивать событие с Перчаткой, пока не получите сан.

– Исповедальня – не место для политики, – голос Корделии стал сухим песком пустыни. – Вы слишком многое берете на себя.

– Боги возложили на меня ответственность, вверив престол. Избегать ее было бы трусостью.

– Так или иначе, лишь архиматерь Эллина в праве признать случившееся чудом.

– На вас боги также возложили ответственность, поставив у плеча той, что неспособна решать.

Силуэт за вуалью дёрнулся, вскинув подбородок. Видимо, признак сильного раздражения.

– Ваше величество не вправе ставить подобные требования.

– Я лишь прошу определённости, святая мать. Благословите мой поступок с Перчаткой либо осудите во всеуслышание. Неясность терзает меня, лишая душевных сил.

– Простите, ваше величество. Я не могу ответить ничем иным, кроме отказа. Глубоко сожалею.

Ни капли она не сожалела – это виделось даже сквозь вуаль. Корделия негодовала, что мелкая пигалица, пуская и коронованная, смеет на чем-то настаивать.

Что ж, коли так...

Мира стремительно встала с колен и взметнула перед собою руку в Перчатке Могущества.

– Янмэй Милосердная, благодарю, что ты со мною! Чувствую силу твою в моей деснице! Святая мать, благословите меня на великие свершения!

Голос ударил по ушам в тесноте кабинки. Гвардейцы за шторой, наверное, немало удивились.

– Что имеет в виду ваше величество? – холодно осведомилась Корделия.

– Я показала вам, что сделаю через полчаса на глазах у толпы прихожан, в минуту, когда сниму покров с алтаря. Полагаю, народный восторг не будет знать границ, и весть о Перчатке облетит столицу со скоростью пожара. У вас имеется полчаса, святая мать, чтобы выбрать реакцию на моё действие. Возможности промолчать вам не представится.

Мира несколько раз сжала и разжала ладонь, любясь совершенством металла, обтекающего пальцы. Неспешно оправила подол платья, убрала руки в муфту, повернулась к выходу из кабинки.

– Я благословляю ваше величество и нарекаю чудом Перчатку на вашей руке, – совсем иначе, хрипло, проговорила вуаль. – Именем Ульяны Печальной, коей мы обе служили, прошу: не вынуждайте меня повторять это при лорде-канцлере.

Мира поклонилась.

– Премного благодарю вас, святая мать. Я выполню вашу просьбу в обмен на маленькую услугу. Сто сорок тысяч эфесов излишка в церковной казне лежат без дела и ждут новой архиматери, более инициативной, чем Эллина. Поместите их в банки Фергюсона, Дей и Конто, и дайте Короне право временного распоряжения ими.

– Ваше величество, новая архиматерь, если ею стану не я, истолкует это как кражу или взятку. Я буду уничтожена.

– Именем Ульяны Печальной, коей мы обе служили, обещаю помочь вам получить сан. А деньги будут с избытком возвращены через год. Даю слово Минервы, творящей чудеса.

Поблагодарив мать Корделию, как полагалось по ритуалу, Мира вышла из кабинки. Собор по-прежнему был пуст, но она кивнула капитану, а тот кивнул служителям, ожидавшим в боковом нефе, и те двинулись к порталам, чтобы открыть дорогу прихожанам. За полчаса храм наглухо заполнится людом. А сейчас длится тот редкий клочок времени, когда никто не смотрит на Миру, и нет нужды в лицемерии и играх. Склонившись у алтаря, она принялась молиться о радости душ отца и Адриана.

За этим занятием и застала владычицу первая фрейлина. Она терпеливо ждала конца молитвы, но едва Мира сотворила священную спираль и поднялась от алтаря, леди Лейла тут же подошла к ней.

– Тайный воздыхатель вашего величества – баронет Эмбер – передал записку. Просил лично в руки и поскорее.

Мира пробежала глазами листок.

«Ваше величество, простите, что тревожу в поминальный день, но завтра уже поздно предупредить о том, что случится завтра. Как вам известно, вскоре ко двору прибудет принц Гектор Шиммерийский. У меня появились основания считать, что он привезет скверные новости. Не ведаю, какие именно. Но люди принца, опередившие его, странно обходят молчанием войну в Литленде. Ваше величество, будьте спокойны и готовы ко всему. Принц Гектор – хитрый самодовольный негодяй. Если дать ему шанс, любую карту разыграет в свою пользу. Как говорят у вас на Севере, собакам и южанам не показывайте слабости.»

Спутники – 5

– Вот лучшая работа для шавана! – говорил ганта Бирай.

Его люди соглашались:

– Дух Степи нам улыбнулся! Первый Конь скачет вместе с нами!

После Кристал Фолл они ограбили еще два банка. Из первого взяли две тысячи эфесов, из второго – полторы. Там и там охрана почти не оказала сопротивления. Стражники были мускулистыми верзилами, но слишком расслабились от мирной жизни, отвыкли держаться настороже, позабыли цену секунды. Они ложились, не успев даже удивиться.

– Жидкие, как похлебка без мяса! – говорил ганта Бирай.

– Как ослиная моча, – поддакивали шаваны.

В обоих банках Колдун приказывал убить всех. Чара и Неймир стояли в стороне, люди Бирая резали глотки всем служкам, кассирам, случайным клиентам. Когда резня оканчивалась, Колдун проходил меж трупов, поднимал мертвые веки, впитывал стеклянные взгляды, облизывал губу от удовольствия. Шаваны замирали в страхе всякий раз, когда видели это.

– Он забирает их души, – говорили шепотом, пока Колдуна не было рядом.

– Пьет из мертвяков колдовскую силу.

– Молится Духу Червя!

Тем не менее, шаваны были уверены, что получили прекрасную работу. В иных условиях, возьми они тысячу эфесов за час малого риска, решили бы, что прогневили богов, навлекли на себя проклятие и вскоре погибнут – ведь кучи золота не даются просто так! Но будучи рядом с Колдуном, они знали, чем заслуживают щедрую награду: страхом. Другие бойцы на их месте давно разбежались бы в панике, а они делают дело. За стойкость Колдун им и платит, а еще – за отсутствие вопросов. Ни один шаван не заговорил с Колдуном лишний раз. Да, в общем, и смысла в том не было: между собой они давно уже все поняли.

– Ему не деньги нужны, а души мертвых! Деньги – для отвода глаз.

– Видали: он после дела отлучается куда-то, а возвращается без денег.

– Жертвует Червю!..

Из служек Тойстоунского банка живым не ушел никто. Из отделения в Клерми почти сумел выбраться один служка. Он был в уборной, когда началось. Долго там сидел – видать, совсем худо было с желудком. Все то время, пока Спутники морочили голову приказчику и украдкой вели разведку – считали людей, осматривали комнаты – он просидел в сортире, потому и не был учтен. При звуках резни вышел на цыпочках из уборной в коридор, сквозь щелочку двери заглянул в зал. Он мог бы вернуться в уборную и живым дожидаться, пока грабители уйдут. Его бы не искали... Но на свою беду служка увидел как раз тот момент, когда Колдун пил душу из мертвых глаз кассира. Служка завопил от ужаса и тем выдал себя. За ним погнались, он заперся в уборной. Пока ломали дверь, скинул с себя одежду и нагишом, ободрав бока, сумел протиснуться в форточку.

– Догнать его?.. – спросил ганта Колдуна.

– Не стоит, – отмахнулся тот.

Обмакнул палец в крови, вывел у себя на ладони алую спираль и прокашлял что-то рваной глухой скороговоркой. Поднял окровавленную ладонь, подул над нею в сторону уборной.

– Вот и все, – сказал он.

Шаваны поняли, что служка рухнет замертво, едва добежит домой.

Каждое проявление жутких способностей Колдуна прибавляло им уверенности в себе. Они считали Колдуна частью своего отряда, а себя – частью его силы. В сравнении с могуществом магии любые стражи да констебли казались смешными.

Впрочем, Колдун полагался не только на магию. Он был не чужд и простой человеческой хитрости. Каждый атакованный банк находился в вольном городе. Полиция вольного города могла вести поиски только в его стенах, и грабители, едва проехав ворота, спасались от нее. Дружинам окрестных лордов не было дела до проблем вольных городов. А воинство герцога Альмера также смотрело на грабеж сквозь пальцы: ведь пострадавшие банки принадлежали чужеземному графу Шейланду. Уже три шерифа объявили розыск «неистойной банды» и три судьи обещали шаванам неминуемую виселицу, но методично и повсеместно их пока не искал никто.

– Голова колдунская! Возьмем еще пять банков – и заживем лордами!

– Будем как шиммерийские богачи!

– У каждого по дворцу и табуну коней!..

Однако с каждым днем Чара и Неймир становились все мрачнее. Они почти не говорили меж собою: о чем говорить, когда и так все ясно? Они исправно получали свою долю (уменьшенную на десятину) и не пачкали руки лишней кровью. Но на душе были шакалы, и чем дальше – тем пуще. Все сложнее было закрывать глаза на правду, а правда та, что ввязались они в дрянное дело. И как выпутаться – неясно. Уйти сейчас, не взяв десяти банков, обещанных Колдуну? Тогда судьба их решена: мерзавец смочит ладонь чьей-то кровью, пролает заклятье, подует во след Спутникам... Поговорить с ним? О чем? От колдовства его не отговоришь – это все равно, что запретить вороне каркать... Поговорить с Бираем? Тоже без толку. Ганта из тех, кто уважает силу, а сила – явно на стороне Колдуна... Оставалось одно: поневоле делать дело и ждать, когда все кончится. Ни Ней, ни Чара не бывали на каторге, но думали, что там все точно так же: гребешь поневоле и ждешь свободы.

Лысые хвосты.

В четвертом банке – Ней не запомнил названия городка – случилось нечто. Среди жидких, как похлебка, охранников попался один. Успел выхватить нож, когда следовало, и ударил раньше, чем ударили его. Когда схватка кончилась, шаван Хаггот зажимал рукой вспоротый бок, а кровь лила меж пальцев.

– Ганта, помоги... – шептал Хаггот, скрипя зубами от боли и чуть не плача от отчаянья. – Ганта, не бросай!

Проще и легче всего было добить раненого. Он все равно не проскачет больше мили – а значит, завтра будет болтаться в петле. Но если заколоть Хаггота, то Колдун, конечно, поднимет ему веки и выпьет душу. Каким бы ни был ганта Бирай, но такой судьбы своему всаднику он не желал.

– Перевяжите его, усадите на коня!

Шаваны обматывали Хаггота тряпками (а те мигом пропитывались кровью) и пытались поднять его в седло (а он валился набок, как шмат мяса без костей). Колдун глядел на все с таким неммым вопросом и подмигивал Бираю: мол, зачем возня, когда можно просто?..

– Да быстрее же, ослы! – ревел ганта. – Гирдан, сядь с ним!

Гирдан разделил коня с Хагготом.

– Спасибо, брат... – прошептал Хаггот.

– Да провались ты в нору! Из-за тебя оба погибнем.

Гирдан был прав: под тяжестью двух всадников лошадь еле рысила. Если будет погоня, этим двоим точно конец.

В сумерках они выехали из городка, двинулись по дороге. То было мучение, а не скачка. Отряд еле полз, поминутно тревожно озираясь в ожидании погони. Гирдан с Хагготом все больше отваливались назад. Хаггот то стонал, то бормотал жалобно:

– Братья, прошу... Ради Духов Степи... не бросайте...

Шаваны отвечали со злобой. Все ненавидели Хаггота – за то, что он еще жив.

Чара придержала коня, поравнялась с отстающими, сказала Хагготу:

– Ты был из тех, кто бросил нас на съедение литлендцам. Помнишь?

Но мало злости сохранилось в ней, жалость пересилила. Приблизилась, потрогала Хаггота, при свете луны заглянула в лицо. Шаван был рыхлым, как тесто, бок и бедро блестели от крови, лицо белело полотном.

– Его надо к лекарю, – сказала Чара.

Кто-то гоготнул, Гирдан фыркнул. Но ганта Бирай сбавил ход, потер затылок. Очень не хотелось ему видеть, как Колдун выпьет душу всадника.

– Чара, я сам вижу, что надо. Только где лекаря взять?

– Там, – сказал Неймир, указав в просвет меж холмов на западе.

Горстка светлячков мерцали там – огни поселка.

– Слишком близко к городу. Нас найдут, – проворчал Гирдан.

– Не найдут, если разделиться. Мы с Гирданом, – сказал Бирай, – повезем Хаггота к лекарю. Остальные скачут во весь дух дальше по дороге, оставляют следы. А к рассвету кружной дорогой возвращаются – на околице поселка мы вас встретим.

И ганта с Гирданом свернули в поля.

Остальной отряд прищипорил коней. Скачка согрела тела и отогнала тревоги, на душе вроде как просветлело. А преследователи все не показывалась – упустили констебли свой шанс. Прозевали тот час, пока шаваны шли медленно, теперь же – пусть попробуют нагнать!

– Дамочка, – позвал Колдун, – подъежь-ка, разговор есть.

Чара поравнялась с ним. Колдун сказал:

– Как для убийцы с многолетним опытом, в тебе излишек милосердия. Оно снижает твою ценность в деле.

– Я шаван, а не убийца. И мне плевать, как ты меня оцениваешь.

– Оно-то да, но лишние принципы тебе же портят жизнь. Сама себя обманываешь. Вот, думаешь, зачем ганта разделил отряд?

– Чтобы спасти Хаггота.

– Чтобы добить не у меня на глазах. Едва мы пропали из виду, Бирай с Гирданом кончили беднягу и поехали спать. Вот тебе все принципы.

Голос Чары заклекотал яростью:

– Быть не может. Не верю!

– Верь или не верь – ничего не изменится.

– Зачем же ты позволил?! От лишней души отказался!

– А может, тебя хотел поучить. Ты забавная, дамочка.

– Чушь! Все вранье! Хаггот уже у лекаря!

– Давай поспорим. Завтра приедем в ту деревню. Если найдем Хаггота живым – ублажу твое милосердие, в следующем банке кого-нибудь пожалею. А нет, – он плямкнул губами, – тогда с тебя поцелуй.

Вместо ответа Чара хлестнула коня.

Деревня оказалась не деревней, а крохотным городком. Несколько дюжин домов и мастерских обступили кольцом замок местного барона, что давал им защиту, а может, и искровую силу. На рассвете увидев замок, Колдун остановил отряд и отвел за холм:

– Не стоит маячить на глазах у лорда.

Выбрал двух шаванов, послал на разведку. Чара сказала:

– Я с ними.

Неймир:

– Я тоже.

Колдун ответил:

– Ты, воин, останься. А ты, дамочка, езжай. Посмотришь, кто победил в споре.

Он сально подмигнул напоследок, но Чара уже скакала, не оглядываясь.

На въезде в городок разведчиков окликнули: Гирдан сидел на лавке у чьего-то крыльца.

– Припозднились вы, я уже зад отморозил. Давайте за мной!

– Где Хаггот? – спросила Чара.

– Как – где? А сама-то не знаешь?

Она рыкнула от ярости:

– Спросила – отвечай! Где Хаггот?

– Скоро увидишь.

Они проехали по кривой улочке, свернули на другую и спешили у дверей двухэтажного дома. Гирдан потянул – оказалось не заперто. Вошли в сени, оттуда в залу.

Там, у камина, тлеющего углями, вольготно развалился в кресле ганта Бирай. Его сапоги стояли рядом, босые ноги вытянулись на табуретке, в правой руке дымилась большая кружка чаю. Левая же лежала на плече белокурой девушки.

– Заходите, парни, располагайтесь, – проворковал ганта Бирай. – Это чертовски радушный дом. Верно, красotka?

Он потеревил девчонку, и та встрепенулась, на миг подняв лицо. Девушка была хрупка, как хворостинка. Большие глаза блестели страхом, веки краснели от слез.

– Где...

«Где Хаггот?» – хотела спросить Чара, но вид девушки сбил ее с мысли.

– Что происходит? Кто она такая?

– Кто ты такая? – ганта сжал плечо девчушки. – Ну-ка, ответь всаднице.

– Я – Гледис, дочь лекаря, сударыня...

– Лекарь?.. В этом доме живет лекарь?

– Ну, а кто еще? Сапожник?.. – ганта хохотнул. – Тебе, старушка Чара, напрочь память отшибло. Мы же к лекарю ехали!

– Вы доби́ли Хаггота, но все равно поехали к лекарю?! Какого хвоста?

Бирай уставился на нее:

– Добили Хаггота? Ты ум потеряла? Жив он, рану зашили!

– Тогда где?..

– Наверху. Вечером заштопали, сейчас промоют-перевяжут, мазью намажут, – и поедem.

– Мой папенька... – тихо начала девушка, но ганта оборвал ее шлепком по затылку:

– Цыц! Молчи, пока не спросят!

Хаггот жив. У Чары отлегло бы от сердца... если б не девчонка – та аж дрожала от страха.

– Что вы с нею сделали?

– Пхе! Вот же скажет Чара-Спутница! – ганта снова шлепнул девушку. – Ну-ка, ответь дамочке, что я с тобой сделал?

– Ничего плохого, сударыня. Я просто сижу рядом с сударем, вот и все.

– Давно сидишь?

– С вечера, сударыня. Будьте так добры, попросите сударя, чтобы он разрешил...

Подзатыльник заставил ее умолкнуть. Ганта буркнул раздраженно:

– Чара, кончай дурные расспросы. Лекарь сказал: Хагготу нужно ночь лежать тут. Мы остались. Но чтобы мы тут сидели, а лекарь побежал к шерифу – это ж не дело. Потому дочка со мной.

– Заложница... – поняла Чара.

Гирдан и двое всадников, что прибыли с нею, расселись в креслах и неотрывно глядели на девушку. Чара подумала: у них не было женщины от самой битвы с императором. Еще подумала: лысые хвосты.

Заскрипела лестница, и в залу вышел лекарь, ведя под руку Хаггота. Тот был бледен и слаб, но почти твердо держался на ногах.

– Это... ваши друзья, сударь?.. – спросил хозяин дома, опасливо глядя на Чару и шаванов.

Бирай отрезал:

– Не твое дело, друзья они мне или кто! Как рана?

– Извольте видеть, швы держатся хорошо, кровотечения нет, процесс заживления начат...

– Говори понятно, осел плешивый. Жить будет?

– Да, сударь.

– В седло можно?

– Я бы не советовал...

– Но удержится, наземь не грохнет?

– Удержится, сударь.

– Что делать с раной?

– Я подготовил вам мазь в дорогу, обрабатывайте ею дважды в день. Перед тем промойте.

Лекарь протянул Гирдану склянку.

– Уже подготовил! – бросил ганта. – Ишь, шустрый! Спровадить нас хочешь?

– Нет, сударь. Оставайтесь, сколько вам будет угодно...

– Сколько угодно и останусь. Опробуй-ка свою мазь.

Лекарь открыл склянку и взялся за повязку на боку Хаггота.

– На себе опробуй! Высунь язык и мазни.

– Сударь, извольте видеть, она применяется не внутрь, а наружно...

– Жри, говорю! Если не помрешь – значит, не отравя.

Лекарь зачерпнул пальцем мази и положил в рот. Скривился от горечи, сглотнул. Ничего не произошло.

– Ладно, – кивнул ганта и разом допил из кружки. – Посидели и хватит. Пойдем.

– Счастливого пути, сударь.

Бирай встал, натянул сапоги. Глянул на девушку и сказал лекарю:

– Собери вещей дочурке. С нами поедет.

– Как?..

Лекарь охнул и согнулся, будто на плечи навалилось.

– Как?.. В седле. Не бойсь, пешком не погоним. Со мной поскачет.

– Сударь, я... Глорией-Заступницей прошу... Не нужно! Она ж у меня одна-единственная...

Бирай вынул нож и метнул с короткого замаха. Клинок вошел в стену за дюйм от лекарского уха.

– Следующий будет в лоб, – сказал ганта. – Не причитай, не люблю этого. Иди, собирай вещи. Даю пять минут.

Лекарь попятился на лестницу, заскрипел вверх по ступеням.

– Гирдан, проследи, чтоб не удумал чего.

Гирдан ринулся следом за лекарем. В зале остались ганта с тремя всадниками, Чара – и девчушка. И вот что самое скверное: она, девчонка эта, не сводила с Чары глаз. Молчала, но смотрела... Будто прямо в душу.

– Ганта, – сказала Чара, – оставь ее.

– Почему? Хорошая ж скотинка, чего не взять?

Чара не знала ни единого довода. Она делила свой путь с десятками и сотнями разных шаванов, и все делали так. Если встречали девушку, что радовала глаз и не имела защиты, –

брали себе. Брали даже западниц – своих соплеменниц, рожденных свободными. А уж чужеземка из какой-то там Альмеры – это ж самый законный трофей!..

Будь здесь Неймир, он бы нашел, что сказать. У него язык как у черта подвешен. Такого нагородил бы, так Бирая заморочил, что тот бы и девушку оставил, и денег ей дал. Но Чаре слова не шли. Быстра ее стрела, да медлителен язык... И она выдавила только:

– Оставь, ганта. Пожалей. Я прошу.

– Вы слышали, парни? – ганта ухмыльнулся своим людям. – Она меня просит. Сама Чара Без Страха, раздутая от гордости, смиренно просит меня об услуге! И я бы, может, даже согласился... да только не та ли это Чара, которая давеча хотела всех нас перестрелять?

– Та самая, – ответили шаваны.

– Вот потому, Чара, я тебе откажу. Но ты можешь попросить еще разок – поумолять, поклянчить... Глядишь, тогда и соглашусь.

– Ганта, – сказал Хаггот, – прошлой ночью она меня пожалела...

– Не она, осел, а я! Ей ты ничего не должен!.. И крикни там Гирдану – пусть поторопит папашу.

Хаггот крикнул, Гирдан что-то ответил. Чара стояла, кипя внутри, чувствуя, как кровью наливаются щеки. А девчушка все глядела на нее, не отрываясь, блестящими своими глазами-монетами. И Чара подумала: будь под рукою лук, да хотя бы десять ярдов дистанции... Но лука нет и дистанции тоже. Четверо шаванов за три шага от нее, а из оружия – только пара ножей... Почти верное самоубийство. И ради чего – кого?.. Чужой плаксивой дурочки?! Даже думать нельзя, потому что чушь! После стыдно будет за эти мысли!..

А дочь лекаря все смотрела... Влага блестела в зрачках...

И Чара заорала:

– Закрой свои ягнячьи глаза! Отвернись, Дух Червя тебя сожри!

Вот тут из сеней раздался голос:

– Миледи, не нужно так волноваться. Вы вредите собственному здоровью, к тому же пугаете бедного ребенка.

– А ты еще кто такой?!

Все обернулись разом. Порог переступил мужчина. Был он высок и плечист, хотя, судя по впалым щекам, подточен какой-то болезнью. Одет просто, но на боку – кинжал такой длины, что вполне уже впору назвать мечом.

Мужчина вошел в залу, помедлил, давая всем разглядеть себя. Заговорил красивым глубоким голосом:

– Коль ваш вопрос не риторический, чего я не исключаю, то дам ответ. Я – странник, нуждающийся в медицинской помощи. Узнав от добрых людей, что в этом доме проживает лекарь, я и наведалься сюда.

– Вы, ослы, не задвинули засов? – зыркнул Бирай на своих шаванов.

– Так это вы, господа, оставили дверь незапертой! – странник кивнул шаванам. – Я благодарен вам. Найдя дверь запертой, я, как человек, требующий медицинской помощи, оказался бы расстроен.

– Слишком много болтаешь! – рыкнул ганта.

– А по мне, в самый раз. Ведь мы все равно ожидаем возвращения лекаря с верхнего этажа.

Взгляд ганты Бирая сделался колючим.

– Ты много успел услышать?

– Я пробыл в сенях несколько минут и услышал довольно, чтобы и самому испытать желание высказаться.

Ганта кивнул шаванам:

– Убейте его.

Странник ухмыльнулся – кажется, разочарованно. Шаваны двинулись к нему и замешкались. Нечто неуловимое в позе странника порождало легкие сомнения: как приступить к убиванию этого человека? С чего бы начать?..

– Не находите ли, ганта, что вежливость требует сперва...

Произнося фразу, странник повернулся к Бираю и упустил из виду шавана Косматого. Тот воспринял это как удачный момент для атаки – и зря. Косматый ринулся вперед, а странник без лишних движений просто пнул его в колено. Бросился и Гурлах, замахнулся мечом, но странник ловко парировал удар. Меч Гурлаха ушел в сторону, странник же треснул шавана по уху своим клинком – плашмя.

– ...выслушать меня? – окончил странник бестактно прерванную фразу. Оба шавана корчились на полу. Гурлах сжимал разбитое ухо, Косматый – колено.

Ганта Бирай опустил руки на пояс, где блестели метательные ножи. Но досадное обстоятельство заставило его воздержаться от броска: кинжал Чары прижался к его яремной вене.

– Благодарю вас за помощь, миледи, – странник поклонился Чаре. – Итак, уважаемый ганта, вы готовы обратиться во слух?

Бирай сглотнул. Странник принял это за утвердительный ответ.

– Как вы могли заметить, господа, некоторое воинское мастерство мне не чуждо. Случилось так, что один лорд оценил его по достоинству и принял меня на службу, где я и провел лучшие годы молодости. Но со временем убедился, что однообразная работа, связанная с дотошным выполнением чужих приказов, до крайности отупляет ум и старит душу. Не желая более убивать себя, я оставил службу и отправился на поиски приключений...

Тут он прервал свою речь, поскольку по лестнице в сопровождении лекаря спустился Гирдан. Всадник схватился было за меч, но верно оценил ситуацию и предпочел не рисковать жизнью ганты.

– Вы сделали правильный выбор, сударь, – заверил его странник. – Итак, путешествуя по миру в поисках того, что привлекло бы мой интерес, я услышал рассказы об отряде отчаянных парней, бесстрашно грабящих банки уэймарского графа. Смелость и находчивость этих людей, свобода от любых ограничений, законов и приказов, кочевой образ жизни – все это наполнило меня сладкими мечтами. Я пожелал примкнуть к «неистойой банде», как прозвали ее альмерцы. А поскольку не принадлежу к тем людям, что откладывают исполнение своих желаний, то я составил список отделений банка Шейланда в Альмере, выбрал из них те, что расположены в вольных городах, и отметил их на карте. Немного поразмыслив над тем, как мог лежать ваш путь от города Клерми – места прошлого дела, – я пришел к определенным выводам. К несчастью, я прибыл в нужное отделение банка вчера около девяти – на час позже, чем вы покинули его. Но словоохотливый констебль сообщил мне, что нож одного из стражников весь покрыт кровью грабителя. Я вновь потратил немного времени на размышления – и опять-таки пришел к некоторым выводам. Они-то и привели меня нынешним утром в дом лекаря, живущего за городской стеной, но достаточно близко к городу, чтобы истекающий кровью всадник сумел доскакать сюда живым.

– Ты что, хочешь ездить с нами?.. – прохрипел ганта Бирай.

– Ваше удивление, сударь, меня озадачивает. Вы же выбрали для себя путь грабителей банков! Почему считаете, что больше никто не возжелает той же участи?

Чару порадовало слово «путь» из уст странника. Однако она разделила удивление ганты:

– Мы – шаваны, дети Степи. А ты, странник, – родом из Альмеры или Надежды, или еще откуда... но точно не с Запада!

– Но я же не северный волчара и не ползун из Литленда. Так отчего бы мне не разделить путь с шаванами?

Эти слова тоже порадовали Чару – аж на душе потеплело.

– Ты правда так считаешь? Рожденный на востоке, хочешь ездить с шаванами?

– Денег он хочет, – буркнул ганта Бирай.

Странник развел руками:

– Не могу отрицать истинности данной реплики. Но позволю себе встречный вопрос: кто их не хочет?

– А если я не возьму тебя?

Странник покачал головой:

– Тогда мы все вместе окажемся в очень дурном положении. Тебе, ганта, придется совершить новую попытку убить меня, чтобы я не донес на вас. Мне придется оказать сопротивление, а твоим всадникам придется умереть (чего они, очевидно, не имеют в планах). Тебе придется самому вступить со мною в поединок, а прекрасной леди – выбрать, на чьей она стороне. Ее выбор определит того единственного, кто выйдет отсюда живым... Я глубоко убежден, что такое развитие событий опечалит всех участников, даже выжившего.

– Положим, ты прав... А если я возьму тебя, но потом зарежу при первом удобном случае?

– Тогда твой отряд потеряет прекрасного бойца и знатока центральных земель, коим я являюсь. На твоей совести образуется весьма прискорбное пятно, которое будет мучить тебя. А еще ты никогда больше не сможешь спать спокойно. Ведь если дашь понять всадникам, что в вашем отряде принято втихую резать своих, то у всякого сможет зародиться мысль...

– Положим, и тут ты прав...

Ганта толкнул локтем Чару:

– Убери уже кинжал! Видишь – спокойно говорим!

Лучница помедлила в сомнении, странник с улыбкой кивнул. Нечто такое было в этом мужчине, что Чара ощутила удовольствие, подчинившись ему: убрала клинок не по собственному решению, но по кивку странника.

– Я бы взял тебя, альмерец, – сказал после паузы ганта, – но нас нанял один парень. Он должен решить.

– Прекрасно! – обрадовался странник. – Это идеальный вариант. Просто отведи меня к нанимателю – и мы все поступим так, как решит он. По рукам?

Ганта протянул руку, и странник пожал ее, но отпустил не сразу.

– Кроме денег, я хочу еще кое-чего. Оставь лекарю дочку.

Ганта фыркнул:

– Вот потому и плохо ездить с чужаками – законов Степи не знаете. Она – мой трофей.

– Я оплачу тебе ее цену. Из первой своей доли.

По правде, это была сомнительная сделка – ведь неясно, наймет ли Колдун странника. Но ганта Бирай подумал, прикинул себе что-то – и согласился.

Лекарь чуть не расплакался, сообразив, что дочка спасена.

– Как я могу отблагодарить вас, добрый рыцарь?..

– На моем теле имеется царапина. Буду рад, если осмотрите ее и предложите подходящее средство...

* * *

Пока всадники скакали к месту встречи с Колдуном, Чара поняла: она хочет, чтобы странник остался с ними. И тут же осознала другое: будет подло с ее стороны – не предупредить. Поравнявшись с ним, сказала:

– Странник, послушай. Тебе лучше уехать.

– Мое общество не по душе миледи?

– Дело не во мне. Наш наниматель... он тебе не понравится.

– Отчего же? Он глуп? Жаден? Лишен чувства юмора?

– Он...

Вряд ли стоило доверять это первому встречному... но странник не казался простым себе встречным.

– Он колдун.

– Вот как!..

– Он убивает словом или щелчком пальцев. Он выпивает души мертвых, глядя им в глаза.

– Потрясающе!

Чара озлилась:

– Сотри ухмылочку со своей рожи! Ты ведь из большого города, правда? У вас там не верят в магию – она в городах не живет. Но этот тип, Колдун, вылез из самого гнилого болота Дарквотера, и плевать хотел, веришь ты в колдовство или нет. Если не понравишься ему, он щелкнет пальцами – и ты рухнешь в пыль. Тогда он глянет в твои мертвые зрачки, и твоя душа никогда не попадет в Орду Странников.

– Ты боишься его? – без тени издевки спросил мужчина.

– Нет.

– Но презираешь?

– Он – мерзкая тварь, которой нет названия.

– Почему ты едешь с ним?

– У меня нет выбора. А у тебя есть. Потому и говорю: уезжай, пока не поздно.

– Благодарю за предупреждение, миледи. Но все же попытаю счастья.

– Дурак, – бросила Чара с большей злостью, чем ждала от себя.

Колдун выпучил глаза, даже сдвинул шляпу на затылок.

– Это кто?

Ганта Бирай изложил события. Почти правдиво, не особенно черня странника.

– Так все и было? – спросил Колдун у Чары.

– Да.

Он повернулся к страннику:

– Значит, ты ищешь приключений и хочешь быть с нами?

– Святая истина, сударь.

– Почему?

Странник повторил краткую историю своей жизни, уже слышанную Чарой, и добавил:

– Помимо жажды приключений, сударь, я всей душой разделяю идейный фундамент ваших действий. Я – убежденный противник банковской системы. Банкиры – самые ушлые из мошенников, что наживаются на честном людях. Кто бьет банкиров, тот делает мир счастливее. Сама Праматерь Янмэй писала об этом, а если не писала, то точно собиралась.

– Х-хе, – Колдун ухмыльнулся, мерзко выпятив губу. – В идейной части ты прав. Но скажи: какой мне от тебя будет прок?

– Во-первых, мои навыки мечника приятно удивят тебя и придутся особенно кстати, поскольку один из твоих всадников ранен. Во-вторых, я знаю центральные земли лучше любого в отряде. В-третьих, я мастерски умею пользоваться вот этим, – он постучал себя по макушке.

– И я должен поверить твоей похвальбе?

– Ни в коем случае. Призываю тебя верить только фактам. Я разыскал твой отряд раньше, чем любой шериф Альмеры. Я смог убедить троих шаванов привести меня к тебе.

Гурлах и Косматый хмуро переглянулись. Нога Косматого не сгибалась в колене; ухо Гурлаха так опухло, что шлем пришлось нести в руке.

– Сколько же ты хочешь? – осведомился Колдун.

– Быстротой и ловкостью я не уступлю твоим воинам. Потому прошу столько же, сколько получает раненый всадник.

– Чтобы ты знал: я плачу им не только за быстроту и ловкость.

– Назови остальные требования и увидишь, что я им соответствую.

Не бояться колдовства – таково было главное требование. Колдун не назвал его, а просто смерил странника с головы до ног косоглазым взглядом и хмыкнул.

– Ладно. Заинтересовал. Проверю тебя в следующем деле... Если хорошо себя покажешь, получишь долю раненого Хаггота.

Меж шаванов прошелестел тихий ропот. Странник отметил:

– Хаггот, вероятно, расстроится от такого поворота. Хорошо ли, чтобы воин таил обиду на своего нанимателя?

– Очень плохо. Но Хаггот не сможет таить обиду, будучи мертв. Ты прикончишь его и заберешь его долю.

– Полагаю, ганта Бирай воспротивится этому.

Колдун хлопнул странника по плечу:

– Как-нибудь решишь эту проблему. Ты же мастер меча, еще и знаток нравов. Вот и придумай что-нибудь... А я погляжу.

Северная Птица – 4

Фаунтерра, Дворцовый Остров

Фанфары трижды взвыли, калеча слух Ионы. Эту традицию музыкальной пытки – встречать гостей фанфарами – отменил еще Адриан в первый же месяц правления. Но сделал исключение для Его Самолюбивости принца Шиммерийского – и не ошибся.

– Гектор Эльвира Аделаида рода Софьи Величавой, почетный бургомистр Белокаменного Лаэма, Первый из Пяти, хранитель ключей от Львиных Врат, наследный принц королевства Шиммери!

С каждой ступенькой титула церемониймейстер совершал удар посохом по паркету, а принц Гектор делал ровно шаг, идеально попадая в такт велеречию. Когда представление отзвучало, он уже стоял на полпути к трону, а за его спиной входила в зал свита: генералы, вассальные дворяне, славнейшие из купцов, альтессы. От множества шелковых, драгоценных, истекающих золотом южан в зале сделалось тесно. Дюжина гвардейцев и чиновников Минервы выглядела теперь сиротливо. Принц Гектор проявил себя и в другом. Согласно ритуалу, императрица должна была заговорить первой, но долго не могла этого сделать: южане все входили и входили, и входили в тронный зал. Принц улыбался, вполне осознавая, с каким изяществом на целых несколько минут заткнул рот владычице Империи Полари. «Заносчивая задница», – подумала Иона словами брата.

– От всей души приветствую ваше высочество, – мягко произнесла императрица. – Позвольте побеспокоиться о здоровье вашего отца.

Иона улыбнулась – Минерва дала достойный ответ южному нахалу. Отец Гектора, король Шиммери – страстно верующий и отчаянно благочестивый человек – проводил большую часть жизни в монастыре на краю Священной Бездны. Но оставался в твердом уме, так что принц не мог принять ни единого важного решения без его согласия. Слова владычицы, таким образом, следовало понимать как: «Первая в столице приветствует второго из провинции».

– Благодарю ваше величество. Отец в прекрасном здравии, силою его неусыпных молитв. Намек на фанатизм и затворничество короля, тем самым – на всевластие принца.

– Ваше высочество, я также буду молить Янмэй Милосердную о его благоденствии!

Двойной укол: и превосходство Янмэй над Софьей, и близость императрицы к королю, а не принцу. Прекрасно, леди Минерва!

– Я счастлив видеть здесь прославленных северян – герцога Эрвина Софию и великолепную леди Иону Софию. Надеюсь, они также вознесут мольбы Светлой Агате о всеобщем здравии и процветании.

Намек на зависимость нынешней Янмэй от могущественной Агаты. Довольно грубый выпад. Но лучше не отвечайте на это, миледи! Пускай последнее слово в пикировке останется за тем, кто глупее.

К большому удовольствию Ионы, Минерва ответила изысканно вежливо:

– Ваше высочество – один из первых, кто прибыл на весеннее заседание Палаты. Вы продолжаете ту славную традицию, по которой представители Шиммери не пропустили ни одного заседания за двести лет. Ими были предложены такие мудрые законы, как...

Владычица перечислила несколько действующих законов, очевидно, изученных в бессонные ночные часы. Что бы ни думал Эрвин о «леди Мими», Иона была очень близка к тому, чтобы восхититься ею.

– Юг несказанно ценит то внимание, какое ваше величество уделили нашему вкладу в историю государства!

Прижав ладонь к груди, принц отвесил учтивый поклон.

– Однако, – отметила Минерва, – меня беспокоит то, как много времени занял ваш путь из Мелоранжа в столицу. Было ли море беспокойно? Надеюсь, все ваши корабли благополучно выдержали шторма?

Принц Гектор свел брови:

– Простите, ваше величество, но вы введены в заблуждение. В силу известных трагичных событий мы шли в столицу из Лаэма, а не Мелоранжа, и время нашего пути вполне отвечает его протяженности.

– Ваше высочество, простите мой невольно бестактный вопрос: о какой трагедии идет речь?

Многие красивые люди становятся еще краше в гневе. Но пригожесть Гектора Шиммерийского имела иное свойство. Малейшая тень злости сразу уродовала его черты, придавая сходство с вороной.

– Должен ли я повторять то, что всем известно и постыдно для Юга?!

– Поверьте, ваше высочество: я не получала ни единой новости, постыдной для королевства Шиммери. Будьте так добры, развейте мое неведение!

Принц помедлил, взвешивая, не смеются ли над ним. Но удивление владычицы было совершенно явным, и он решился:

– Ваше величество, вождь западных разбойников Моран Степной Огонь заманил в ловушку мое войско и вынудил к спешному отступлению. Более месяца назад мы с боем ушли из земель Литленда.

При всем презрении к банальностям, Иона не смогла бы описать эту минуту иначе, чем «гнетущая тишина».

– Позвольте уточнить, – после долгой паузы проговорила Минерва. – Больше месяца назад вы бросили своих союзников в когтях западной орды? И даже не сочли нужным уведомить Корону?

– Я в недоумении, ваше величество! Я послал во дворец двух голубей с этим известием. И, поскольку зимою над морем птицы нередко теряются, отправил еще и курьера в Маренго, откуда он должен был передать мое письмо самым быстрым способом – волной. Неужели из трех сообщений ни одно не достигло вас?

Владычица отвернулась от принца – явно затем, чтобы скрыть замешательство. Но быстро придала своему жесту иное значение – гневный вопрошающий взгляд на министров. Как допустили? Что за хаос во дворце?!

Первым дрогнул несчастный Шелье – опальный министр путей. Низко склонив голову и глядя на пряжки туфель Минервы, он залепетал:

– Ваше величество, верьте мне, я ничего не знал об этих сообщениях! Клянусь вам, письма были утеряны не в моем ведомстве!

Баронет Эмбер – глава секретариата – отвесил вежливый, но краткий кивок:

– Заверяю ваше величество, что в секретариат не поступали упомянутые письма. Если пожелаете проверить протоколы входящей корреспонденции, предоставлю их сию же минуту.

Министр двора всплеснул ладонями и прижал их к груди:

– Вашше величшество! Фолна не в моем ведении, но за дворцовую голубятню я несу ответ. Птишники, утерявшие письма, будут строго наказаны. Строшшайше, ваше величшество!

Минерва овладела собою – Иона заметила, каких усилий это стоило.

– Прошу прощения, ваше высочество, что вам пришлось стать свидетелем этого неприятного казуса.

– Ваше величество, стоит ли извинений! Чиновники и слуги постоянно что-нибудь путают и теряют. Держите их в строгости, или все ваши планы пойдут прахом. Я уже десять

лет веду дела славного Юга и, без лишней скромности, всегда умел справляться с чиновничьей братией. С большой радостью помогу вашему величеству советом!

– Мне будут приятно и полезно перенять долю вашего опыта. Но сейчас я вынуждена сосредоточиться на неотложных делах. А вы устали с дороги и нуждаетесь в отдыхе. Позвольте препоручить вас заботам лорда-канцлера и министра двора – они окажут вам должное гостеприимство.

Эрвин уже заждался возможности высказаться и, конечно, не упустил ее.

– Ваше высочество, от имени великого Севера приветствую в столице правителя Юга! Прежде всего, я хочу сказать...

После официального приема Эрвин стал чаевничать с принцем Гектором и стайкой альтесс. Лишь три часа спустя сестра нашла брата в его кабинете. Весьма довольный жизнью, Эрвин рисовал в блокноте. Заглянув через плечо, Иона увидела шарж: лучезарный принц-красавчик облеплен полуголыми девичьими телами.

– Кажется, вы пили не чай и говорили не о политике, – ехидно отметила Иона.

– Сестричка, ты завидуешь? Это легко исправить! Принц звал меня в полночь смотреть, как он это назвал, южные танцы. Составь мне компанию!

– Звучит заманчиво, и я, возможно, соглашусь... Но сейчас хочу поговорить серьезно.

– Поговорить серьезно?! Снова?! Ты в Уэймаре этого нахваталась?... Дурная провинциальная привычка, брось ее. При дворе быть серьезным – моветон!

– Эрвин!

Она схватила его за плечи, чтобы заставить прислушаться.

– Ты веришь принцу Гектору?

– О, да! Особенно, когда речь идет о вине и девушках. Его опыт в этих вопросах неоспорим!

– Письма, Эрвин! Письма о поражении в Литленде! Ты веришь, что он действительно их отсылал?

– Конечно.

– Почему ты так доверяешь шиммерийцам? Потому только, что милая южаночка посидела у тебя на коленках?

– Это очень весомый аргумент! Но есть и второй, послабее: я получил эти письма. Потому верю, что они были отправлены. Звучит логично, правда?

– Как – получил?! Они же посланы императрице!

– Императрица не дает взяток собственным птичникам. Она считает, что одного жалования довольно для лояльности, чем проявляет свою девичью наивность... Словом, голубятня куплена. Что до волны, купить ее мне пока не удалось, но счастливый случай пришел на помощь: письмо волною потерялось само. Ах, эта новомодная машинерия...

– Эрвин, ты перехватываешь письма Минервы?

– А как иначе я смогу узнать их содержание?!

– И скрываешь от нее важнейшие события!

– Сестрица, каково твое мнение о фразах: «Меньше знаешь – крепче спишь» и «Многие знания – многие печали»?

Ионе захотелось ударить брата. Она удержалась лишь потому, что он счел бы это баловством, Ионе же было совсем не до игр.

– Эрвин, я не узнаю тебя! То, что ты делаешь, – подлость и манипуляция! Разве нет? Ты обманываешь Минерву, но хочешь, чтобы она плясала под твою дудку! Мне стыдно за тебя!

– Ах-ах... – фыркнул Эрвин.

Но с запозданием понял, что Иона отнюдь не шутит. Стер ухмылочку с лица, холодом встретил гневный взгляд сестры.

– Ладно, изволь серьезно. Ее величество Мими склонна к импульсивным действиям. Это следует из твоих же рассказов о ней. Получи она вовремя новость о поражении южан – что по-твоему сделала бы? Правильно, какую-нибудь глупость, вроде отправки в Литленд остатков искровых войск, где их наверняка перебьют. Но я выждал месяц, и Мими успела послать шаванам приглашение в Палату. Теперь она вынуждена будет избрать путь мирных переговоров с ними.

– Ты манипулируешь ею!

– Да. Но попробуй сказать, что это не на пользу! Я отнял у нее казну, ткнул ее носом в ее бессилие – и она начала действовать. Трясет бывших министров и, глядишь, что-нибудь вытрясет. Изучает финансовое дело, и скоро сможет сама назначать финансистов. Сочиняет прекрасные письма Великим Домам! По ее приглашению принц Гектор приехал с дружбой, без кинжала за спиной! Если б я советовался с нею, она только надувалась бы от гордости, выносила вердикты: «Даю позволение... не даю позволения...» – и пьянствовала в свободное время. Мои манипуляции сделают из нее владычицу, которая принесет хоть какую-то пользу Империи!

– И тебе, – отметила Иона.

– И мне, – пожал плечами Эрвин.

Помедлив, добавил:

– Завтра я проведу с Мими совещание о ситуации в Литленде. Потешу ее больное самолюбие и твое здоровое чувство справедливости.

Иона хотела еще кое-что сказать. Что не стоит привыкать называть императрицу «Мими». И что чтение чужих писем – пускай мелкий проступок, но очень уж грязный, будто кража белья. Растрату государственной казны ей легче принять, чем это...

Но сказать не успела.

Цокая когтями по паркету, вбежал мохнатый серый Стрелец и запрыгал на месте, требуя объятий. А следом влетел кайр Джеμισ, бешено сверкая зрачками.

– Миледи, милорд!.. Случилось чудо: лорду Десмонду лучше!

* * *

Лорд Десмонд Ориджин сидел в постели, опершись спиной на подушку. Медленно, с большим усилием, но он мог повернуть голову, пошевелить руками. На глазах у Ионы отец согнул ноги, подтянув колени к груди. Конечно, омертвелая маска его лица не выдала эмоций, но Иона могла представить, какое это наслаждение – после полугода неподвижности согнуть ноги!

Отец с Эрвином встретились взглядами и замешкались: отец отдавал первое слово сыну, как правящему герцогу, сын же уступал, поскольку дело касалось жизни отца. Пока никто из них не изрек чего-нибудь мрачного, Иона поспешила заговорить:

– Нам следует изменить план. Лечение помогает, значит, нужно снова показать отца Знахарке. Какую бы цену ни запросил Кукловод, мы заплатим ее!

– Да, дорогая! – горячо откликнулась матушка. – Я не ошиблась, когда заключила сделку! Теперь мы...

– Чушь, – прервал отец. – София, не потакай наивности дочери. Нет ни единой причины верить Кукловоду.

– Отец, но вам стало лучше!

– Временно, доченька. Это приманка, чтобы мы подпустили Знахарку ближе. Если сделаем это – умрем.

– Милорд, я долго думала о мотивах Кукловода и пришла к такому выводу: он хочет вылечить вас, чтобы расколоть Дом Ориджин. По мнению Кукловода, вы начнете биться с сыном за власть. Прошу, примите его лечение – оно действительно должно помочь!

Вместо ответа Ионе, лорд Десмонд обернулся к Эрвину. Сама его способность обернуться подтверждала слова дочери! Но отец как будто не видел этого.

– Сын, я провинился перед тобой. Я так и не смог выковать из тебя настоящего воина, вина моя очевидна. Однако я сумел вырастить тебя достойным лордом и одним из лучших стратегов нашего времени. Надеюсь, ты признаешь мои заслуги. Я же со своей стороны признаю тебя сыном, который сделает честь любым родителям. Спустя века о нашем Доме будут судить по деяниям людей, подобных тебе. Теперь спрошу. Считаешь ли ты Кукловода настолько наивным, чтобы поверить в будущую войну между нами? Может ли он всерьез надеяться, что мы решим убить друг друга?

Прежде, чем ответить, Эрвин что-то черкнул в своей черной книжице. Иона подавляла в себе недостойные чувства, но, по правде, блокнот брата начинал ее бесить.

– Нет, отец. Прости, сестра: я очень желал бы твоей правоты, но не вижу такой возможности. Тем более, что отец любит Первую Зиму, а я люблю править в столице. Нам нечего делить, и Кукловод поймет это, если хоть немного знает нас.

– В таком случае, – кивнул лорд Десмонд, – следуем прежнему плану. Перехватим Знахарку у ворот и не дадим подойти ко дворцу.

Но он же кивнул, тьма сожри! Ионе хотелось кричать. Папа, вы смогли кивнуть! Вы выздоравливаете! Пощадите себя!

Сомнения – куда мучительнее прежних – накрыли ее с головой. Полночи Иона провела в метаниях. Вдвойне тяжело было то, что она сама собственной глупостью и породила причину сомнений. Воочию видя улучшение, она не могла знать наверняка, какое из лекарств помогло: колдовство Знахарки – или зелье Мартина Шейланда?! То и другое одинаково невероятно – но одно из двух сработало! Теперь до боли необходимо узнать: которое?!

Если помогло зелье Мартина, то не следует делать ничего. Мартин говорил, что снадобье несовершенно, вот оно и не смогло полностью убрать хворь. Но отец свободно говорит, самостоятельно питается, может изменить позу, сесть. Его жизнь стала намного терпимее прежней! Проклятый пузырек, стоивший стольких жизней, хоть отчасти окупил свою цену.

Но если сработало не зелье, а рука Знахарки, то Иона не может бездействовать. Тогда она на свой страх и риск сама встретит Знахарку и проведет к отцу. Если будет нужно, выкрадет Предмет, который мать обещала Кукловоду, и отдаст Знахарке. Когда все будет сделано, она скажет Эрвину. Он придет в ярость, но простит сестру, едва увидит отца здоровым. И все обернется очень хорошо, просто сказочно... Нужна только уверенность в выборе. А ее нет!

Раздавленная этими сомненьями, Иона искала совета. Но не могла обратиться ни к кому из близких. Их взгляды были тверды и известны наперед. Мать убеждена, что нужно пустить Знахарку к отцу. Вассалы, конечно, согласны с планом герцога. Ионе же нужен не тот, кто убежден в одном из вариантов, а поймет оба, увидит дилемму, научит: как выбрать? В какой-то момент она вдруг подумала рассказать обо всем императрице. Если кто-нибудь в Фаунтерре знает, что делать с сомнениями, то это Минерва.

Но тут Иона получила понимание и помощь, откуда не ждала.

– Эрвин рассказал мне об этой странной Знахарке и ее Предмете... Иона, дорогая, скажи: ты согласна с планом брата?

Аланис Альмера.

Знакомица Ионы с детских лет, близкая подруга в годы пансиона. Потом судьба изменила их, и разная направленность перемен повредила дружбе. Иона стала глубже, Аланис –

жестче; казалось, одна выросла вверх, вторая – вперед. Ныне они общались приязненно, но мало понимали друг друга.

И еще было это чувство... Ни завистью, ни ревностью Иона не назвала бы его, скорее – недоумением. Прежде красивейшая леди всего мира, теперь Аланис изуродована шрамом и измождена лишениями. Трагизм судьбы, отразившийся на внешности, наделил ее исключительностью. Нет на свете подобных ей, как и нет того, кто останется к ней равнодушен. А недоумение... Иона всегда полагала, что лишь красивая душа может сделать человека незаурядным. Оказалось – нет, вполне достаточно шрама на лице.

– Я очень хочу, чтобы отец выздоровел, – сказала Иона.

И Аланис ответила:

– Я помогу тебе.

– В чем?

– В краже коня.

Иона не поняла, Аланис пояснила:

– По моему опыту, когда леди приходится совершить преступление, ей очень нужен помощник. Ты хочешь обмануть брата – герцога Первой Зимы, – и попытаться вылечить отца, рискуя его жизнью. Ни один кайр тебе не поможет. Потому предлагаю себя.

– Откуда ты знаешь, чего я хочу?

– Брось, дорогая. Я изучила тебя лучше, чем думаешь.

На душе Ионы потеплело. Сладкая эта оттепель толкнула на откровенность:

– У заговорщиков должны быть тайны, и я поделюсь своею. Я дала отцу одно снадобье...

Она рассказала всю историю. Аланис с присущим ей темпераментом прокомментировала все: Мартиново зверство, малодушие Виттора, дерзость Ионы. А выплеснув эмоции, начала мыслить прагматично и предложила:

– Давай проверим.

– Что?

– Действует ли Предмет Знахарки?

– А как?

– Очень просто: встретим – и проверим.

Аланис подмигнула, и Иона ахнула, осознав задумку.

– Ого!.. Эрвин убьет нас, если узнает!

– Если мы окажемся правы, лорд Десмонд встанет с постели, и Эрвин нас расцелует. А если ошибемся, то Знахарка убьет нас раньше Эрвина.

Отчаянная смелость плана заставила сердце Ионы жарко забиться. Она уже знала, что не откажется, но спросила, ища каких-нибудь доводов для разума:

– Положим, мы узнаем, что Предмет Знахарки способен исцелять. Разве это докажет, что она исцелит именно отца?

– Смотри глубже, милая. Если Знахарку послали только для убийства, то ей дали просто Перст Вильгельма. Зачем асассину целительное средство?.. Но если ее Предмет может вылечить хоть кого-нибудь, то, значит, она послана лечить, а не убивать.

– Разумно, – с радостью признала Иона.

Окажись довод глуп и ошибочен, она все равно рискнула бы, но не знала бы душевного покоя.

* * *

Вернер проиграл в пятый раз подряд. Кинул «огонь», хотя было ясно, что Рагольф плеснет воды из «колодца».

– Ац-ца, вот я молодца! – Рагольф похлопал себя по груди.

Тенн спросил Вернера:

– Что с тобой такое?

Смеркалось. Шел крупный и мокрый снег, налипал на плащи. От сырости холод пробирал до костей. В отдалении сияли огни, звучала музыка, отчего здесь, у причальных ворот, казалось особенно зябко. Но было ведь ничем не хуже, чем в прошлые полсотни вахт, проведенных здесь же. Даже немножко лучше от того, что телега харчей уже проехала, и нищие ушли, унеся с собой зловоние. Вот Тенн и спросил:

– Что с тобой случилось?

– Ты знаешь, что.

И как Тенну не знать? Все трое были здесь ранним утром, когда пришла леди – тонкая белоснежная Северная Принцесса. Отвела их в караулку и сказала, чего хочет. Рагольф ошалел от восторга, что увидел такую красавицу. Тенн молодежато отчеканил: «Так точно, миледи! Ваше желание для нас – закон!» Один Вернер осознал, что к чему. С тех пор и стоял, как на иголках, и проигрывал в пальцы, и мерз, как никогда прежде.

– Да ладно! – Тенн стукнул его по плечу. – Какая проблема? Был один приказ, теперь – другой. В погреб – так в погреб, в летний театр – так в летний театр. Не один ли черт, куда вести гадюку?

– Тот приказ шел от правой руки герцога, этот – от сестры. Смекаешь?

– По мне, приятель, кому ни сдам Знахарку – все равно хорошо. Джемису или Северной Принцессе – одинаково, лишь бы самим от нее избавиться. У меня, веришь, мороз по коже от этой бабы!

Рагольф сотворил священную спираль и ругнулся:

– Ворошейка бурца, – то бишь, по-горски: «Проклятая ведьма».

Нет, они не понимали. Ни Рагольф, ни даже Тенн. А могли бы понять: сестра обманывает брата. Ее воля – против воли герцога. И если выйдет из этого какая-нибудь дрянь, герцог рассвирепеет. Что сделает с сестрой – неясно, да и наплевать. А вот простым часовым тяжко придется. По традициям Севера выбор будет несладким: лишиться мечевой руки или плаща, или головы.

Вернер не хотел терять ни руку, ни плащ, добытый с таким трудом, ни, тем более, голову. Потому и думал, думал не переставая: как выпутаться? Как извернуться и вылезти из ямы?

Побежать и доложить герцогу – рискованно. Тут не угадаешь реакцию: может похвалить за верность, но может и разгневаться, что ябедничаешь. Это ж его сестра – кровь от крови! А ты ее, считай, обвиняешь в измене...

Или плюнуть на приказ Ионы и повести Знахарку в погреб, куда Джемис велел. Но эти ж два барана – Рагольф с Тенном – упрутся, захотят услужить Принцессе. Выйдет меж воинов спор, а Знахарка, увидев это, заподозрит неладное и убежит. Тогда уж точно никому не сносить головы.

Или такая еще мысль. Воспользоваться тем, что дураки ничего не поняли, оставить их самих расхлебывать кашу. Нужен только веский повод, чтобы уйти с вахты. Например, недуг. Грешным делом, Вернер даже подумал: не съесть ли кусок подгнившего мяса из нищенской телеги? Как прихватит желудок, так и убежать. Пускай Рагольф с Тенном отвечают перед герцогом... Но мясо выглядело слишком мерзко, да и не было уверенности, что Знахарка придет именно сегодня. Он оставил затею с недугом и думал дальше. Думал, думал... Но, черти лысые, ничего путного не лезло в голову!

Тем временем у ворот заголосили:

– Отпирайте, воины!

– Ктоц?..

– Да Симон же бакалейщик!.. Добрые сиры, вы б меня уже запомнили, что ли! Каждый третий денек езжу.

– Порядок есть порядок, – отрезал Тенн. – Положено спросить.

Он сдвинул засов, а Рагольф оттащил створку. Бакалейщик Симон хлестнул коня и всунул в ворота груженные сани.

– Господа, у меня только к вам это... Дельце одно... – Симон неловко кивнул на свою поклажу. – Одна дамочка очень просилась ехать, сказала, вы ее ждете... Гляньте: признаете или нет?

Уже?! – беззвучно простонал Вернер. Стой, время! Я ж так и не придумал, что делать! Еще хоть минутку, а!

Рагольф отбросил мешковину, и Знахарка подмигнула, вставая с саней:

– Че, мальчики, соскучились? Вот она я. Давайте к миледи.

– К миледи, точно! – ухмыльнулся Рагольф. – Она тебя ждет-ждет!

Один из троих должен спешно доложить капитану, чтобы заменил караул, а потом бежать к Северной Принцессе. Остальные двое, дождавшись замены, поведут Знахарку в летний театр. Вернер сказал:

– Я побегу, – и мгновенно исчез.

Это почти ничего не меняло, но давало еще несколько минут времени... И призрачный шанс поговорить с Принцессой, убедить отказаться от затеи.

Он влетел во дворец и тут же потерялся в мириадах коридоров, комнат, залов. Тут и там галдели голоса, брнчала музыка, шастали люди... Вернер метался, не встречая ни единого знакомого лица, и все сильнее впадал в панику, но тут же робко согревался надеждой: а вдруг не найду ее? Вдруг уехала куда-нибудь? Тогда все обойдется!..

Но тут он чуть не налетел на собаку, и та ощерила клыки, а Вернер замер. Джемис Лиллидей возник перед ним:

– Куда несетесь, кайр Вернер?

Он не придумал ничего лучше правды:

– Ищу Северную Принцессу...

– Зачем?

Он не был обязан отвечать. Если бы спросил капитан или генерал, или личный телохранитель Принцессы – тогда да. Джемис же – волк герцога, а не герцогини, и не его это дело... Но Вернер ответил:

– По ее приказу. Она велела найти ее.

– Велела вам найти ее? Любопытно, с какой целью?

– Доложить, что приехала... приехали цветы.

Он увидел вазоны в треноге дальше по коридору, за спиной Джемиса. Так и всплыло в голове слово «цветы».

– Какие еще цветы?

– Розы.

– А может, эти, как их... хризантемы?

Ему показалось, что Джемис издевается. Но сейчас было плевать на все насмешки.

– Нет, розы.

Волчара осклабился:

– Да вы знаток по цветочному делу, кайр Вернер!.. Ну что же, каждому свое.

– Не скажете ли, где Принцесса? Она уехала из дворца?

– Отчего уехала? Здесь. В музыкальном салоне – второй поворот направо.

Он зашагал, набирая ход, а Джемис крикнул в спину:

– Спешите, Вернер! Пока розы не увяли!..

В музыкальном салоне было жарко натоплено, висел тягучий аромат благовоний. От волнения, духоты и сладкого запаха Вернера чуть не стошнило. Он оттянул ворот, сглотнул слюну. Оперся на стену. Хватая ртом воздух, стал высматривать Принцессу... Где она?! Кажется,

нельзя ее не узнать! Но Вернер тупо скользил глазами по девичьим лицам, фигурам, корсетам, платкам, жемчугам... все блесло и кружилось, он не узнавал никого! И проклятая духота. И музыка – такая тягуче унылая, будто жилы вынимает...

– Желаете выпить, кайр? – лакей возник рядом с ним.

– Воды... – выдавил Вернер и сразу сжал челюсти, давя рвотный позыв.

Лакей подал кубок, воин с трудом глотнул... Взгляд остановился на женщине в центре комнаты: дивные платиновые волосы и щека, вспоротая чудовищным шрамом. Вспомнилось гнилое мясо... Он быстро перевел взгляд – и, наконец, увидел Принцессу. В тот же миг, как она заметила его.

Миледи направилась к дверям, тронув за локоть девушку со шрамом. Лишь теперь воин понял, кто она такая. Аланис Альмера и Иона Ориджин вместе подошли к нему:

– Она прибыла?

Он кивнул. Аланис щелкнула пальцами, подозвав лакея:

– Летний выход. Наши шубы.

Втроем зашагали по коридорам. Дамы шли впереди, он следом. Они обе полураздеты: у Принцессы открыта спина, у Аланис голые плечи и низкое декольте. Белая девичья кожа источала матовый свет. Вернер помнил: он собирался сказать что-то, попытаться отговорить... Но думать мог лишь о том, как сдержать тошноту.

У выхода лакеи набросили меха на плечи барышень. Но обе вышли на снег в легких туфельках, и, кажется, даже не заметили. А Вернера отрезвил холод, дал свободно вздохнуть.

– Миледи, – сказал он, – позвольте предостеречь. Вы совершаете ошибку... Эта Знахарка очень опасна... Я видел, как она двумя пальцами сломала меч.

– К счастью, я не ношу меча.

– Она может вас убить!

– Может, – согласилась миледи.

– Но постойте...

Аланис бросила через плечо:

– Вам страшно? Останьтесь!

Он не нашел, что еще сказать. Молча смотрел на голые щиколотки Принцессы, облепленные грязным снегом, и думал: боги, как глупо! Попасть в переделку из-за прихоти девицы, которой даже не хватило ума надеть зимой сапоги!

На сцене летнего театра, укрытой с трех сторон стеной-раковиной, ждали Тенн, Рагольф и Знахарка.

– Леди София, вы такая молодая!.. – развязно крикнула Знахарка. – Ниче не скажу, шикарно себя сохранили! Рецепт не поделитесь?

– Я ее дочь – леди Иона София Джессика, Северная Принцесса, графиня Шейланд. Со мною Аланис Аделия Абигайль, герцогиня Альмера. Находите ли замену равноценной?

Знахарка почесала подбородок, зацепила пальцем торчащий волосок, потербила его.

– М-да, замена ничего, сгодится. Но лечить-то кого будем? Где папочка?..

– Меня, – сказала Принцесса. – Кайр, ваш кинжал.

Вернер не понял, чего она хочет. Тенн первым подал ей клинок. Северная Принцесса полоснула себя по руке и подала ладонь Знахарке. Кровь собиралась каплями и падала на снег.

– Я сегодня так неосторожна – случайно порезалась. Помогите мне, сударыня.

Знахарка хмыкнула:

– Дайте псу, пускай залижет – у собак слюна целебная. А я не по этим делам.

Иона вернула кинжал Тенну. Провела другой рукой по лифу платья, дернула, протянула Знахарке бриллиант на раскрытой ладони.

– Этот камень – за одну минуту вашего времени. Если рана заживет, он ваш.

Знахарка пошевелила густыми бровями.

– О том, вообще-то, договора не было...

– Бросьте! – хлестнула голосом Аланис. – Вам предлагаем, а не хозяину. Ждать не будем. Раз. Два. Три...

– Ладно, ладно! Чего кричишь? Хороший камушек. Пожалуй, возьму...

Рука в наперстках поднялась над ладонью Принцессы. Пошевелились пальцы, алый цвет сменился зеленым. Пятно сияния возникло под рукой и легло на рассеченную ладонь. Иона низко истомно ахнула. Свет собрался на краях раны, и кровь вскипела пузырьками, тут же утихла. Тонкие ленточки плоти потянулись через разрез – будто нить стягивала края.

– Оп-ца-цааа... – выронил Рагольф и зажал себе рот.

– Готово, красотка. Пять минут рукой не дергай – и все заживет.

Знахарка взяла бриллиант.

– Теперь идем к папочке, что ли?

– Еще нет.

Леди Аланис ступила вперед. Она была на голову выше Знахарки. Низко наклонилась, чтобы заглянуть в лицо:

– Я давеча обожглась. Убери это – я заплачу.

– Это?..

Женщина протянула руку к лицу герцогини – простую, не ту, что в наперстках. Узловатыми грубыми пальцами ощупала шрам, оттянула щеку Аланис. Похоже, это доставило ей удовольствие.

– Экая ты мягкая, нежная...

Провела пятерней по шее Аланис, по плечу, сдвинув ворот шубы. Герцогиня не шевелилась, замороженная этим касанием.

– Тебя сложно, – сказала женщина. – Кусок тебя умер, и черви съели.

Аланис дернулась, как от удара плетью.

– Тьма тебя сожри! Можешь или нет?! Верни красоту! Заплачу, сколько скажешь!

– Вернуть красоту... – Знахарка скинула капюшон и повернула к свету свое лицо: грубое, обветренное, пористое, с кустиком волос на бородавке. – Если б я умела вернуть красоту, думаешь, была бы такою?!

– Ну и пропади ты!

Аланис отшатнулась с омерзением, отвернулась, зябко кутаясь в мех. Лишь теперь заметила снег, облепивший ноги.

– Чертов холод! Уйдем отсюда.

Но стоило ей сделать шаг, как Знахарка бросила в спину:

– Я смогу.

– Врешь.

– Смогу. Но цена большая. Заплатишь – сделаю.

– Сколько?

– Солдатыкам не нужно знать, – Знахарка поманила герцогиню пальцем.

Та нехотя нагнулась, женщина приблизила губы к ее уху...

Вернер так и не понял, успела ли Знахарка назвать цену. Он даже не понял, что случилось прежде, что – потом. Настолько смято, одновременно все вышло.

Где-то шурхнули шаги, и кто-то ругнулся, наступив в лужу, а Знахарка отдернулась, наострилась, как сурок, а Аланис схватила ее за руку: «Нет, стой!», а кто-то рывкнул: «Сюда!» – грубый воинский голос, – а Знахарка вырвалась из пальцев герцогини, прыгнула со сцены и помчалась прочь.

– Кайры, задержите! – приказала Иона.

Полоснула взглядом по Вернеру, откуда-то узнала, что он ни за что на свете не побегит первым, бросила Рагольфу:

– За ней!

Гуп-ца... Горец громко сиганул на лавку и побежал, прыгая со скамьи на скамью. За ним – Тенн, за ним – Вернер. На десять шагов позади – еще другие в красно-черном.

Знахарка неслась впереди – юркая и мелкая, неуловимая, как крыса. Вернер знал: никто не догонит ее. Но знал и другое: дворец оцеплен, во всех воротах стража. Чужачке некуда деться!

Они бежали, чавкая мокрым снегом. По темной аллее – деревья-скелеты надвигались с боков. Рагольф припевал на каждом шагу: «Хамди... Хамца... Хумли-ла...» Тенн метнул кинжал, но Знахарка почуяла опасность – вильнула в сторону. Сзади кричали: «Быстрее!.. Молнией!.. Живьем брать!» Вернер чуть наддал ходу, но все ж не так, чтобы догнать. А вот Тенн почти настиг женщину – осталась пара ярдов!.. Вдруг Знахарка обернулась, одновременно присев, и Тенн налетел на нее. Блеснуло красным, кайр откатился в сторону, забился на снегу. Вернер не мог понять, почему он не кричит? Нога Тенна ниже колена была оторвана.

Рагольф сбился с шага, засмотревшись на раненого, и оказался вровень с Вернером. Это плохо, очень плохо! Но и отстать больше нельзя – кайры герцога дышат в спину, сами убьют, если трусишь. Вернер бежал, готовый отпрыгнуть, едва только Знахарка обернется. Сколько было в нем надежды – всю возлагал на огоньки в конце аллеи. Там люди! Наверное, охрана тыльных ворот. Они-то и схватят Знахарку, рискуя головами. Еще немного пробежать. Лишь бы она не обернулась!

Когда аллея кончилась, вокруг возникли шатры. Медведи, кабаны, дубы на гербах – нортвудцы! Огоньки – костры, у которых пируют медвежьи солдаты.

Знахарка сбавила ходу и визгливо заорала:

– На помощь! На помо-ооошь!

Дура! Кто ж тебе поможет, ведьме?!

Рагольф упал, споткнувшись о чью-то ногу. А Знахарка рванула в просвет меж шатров – и наткнулась на выходящего воина. Он был здоровенный, даже не шатнулся от удара, а женщина полетела наземь. Дернулась встать, но меч Вернера уже навис над нею.

– Добегалась, сука!

Знахарка выставила ладонь:

– Пощади!..

И он ударил, едва увидев ее руку. Потом осознал: рука голая, без Предмета! Должно быть, ведьма хотела сдаться... Но она уже корчилась на клинке, и Вернер от души надеялся, что ей очень больно.

Почему-то он перестал чувствовать ноги. Устал или ударился коленом?.. Опустил глаза – и увидел обух топора, торчащий из его живота. Как?.. Нортвудец потянул, и топор вышел из тела с липким чавканьем. Только тогда возникла боль и разодрала Вернера на куски.

* * *

Когда Иона подошла, она увидела именно то, чего боялась: мертвую Знахарку. А рядом – труп северянина, а над ними – две группы воинов лицами друг к другу: кайры и медведи. Кайров была дюжина во главе с Сорок Два, медведей – намного больше.

– Что происходит? – спросила Иона, хотя главное было очевидно: Знахарка погибла, для отца надежды нет.

Иона промокла и продрогла, голос звучал отнюдь не властно, однако ее заметили сразу. Нортвудский капитан ответил с грубоватой хрипотцой:

– Один ваш, миледи, гнался с мечом за женщиной. Я его укоротил, но он успел заколоть дамочку. Моя вина.

Сорок Два огрызнулся:

– Чертовы медведи убили кайра. Позвольте нам расквитаться.

Нортвудец захохотал, поигрывая топором:

– Да пожалуйста, сынок, да на здоровье! Начинай!

Воздух зазвенел, когда Сорок Два выхватил меч. Прежде, чем другие последовали примеру, Иона крикнула:

– Не смей! Боя не будет! Я запрещаю.

– Но миледи!..

Она положила ладонь на руку Сорок Два, вынуждая опустить оружие.

– Воины Нортвуда поступили по чести, защищая женщину. Случилась ошибка, но не преступление.

– Благодарствую, – буркнул капитан.

– Кайры, заберите тела. Мы уходим.

Нортвудец насупился, будто силясь поймать собственную мысль:

– Э, э, миледи, погодите-ка... Своего солдата, понятно, берите. Но дамочка...

– Мы возьмем и ее.

– Э... Мне бы нужно спросить...

Аланис потеряла терпение и вмешалась:

– Спросить о чем, капитан? Не нужен ли вашему лорду труп нищенки? Любопытно, зачем? Украшать помещение? Наполнять ароматом воздух? Радовать глаз?!

Под ее напором нортвудец смешался, промямлил только:

– Э, того...

Но другой медведь выкрикнул:

– А на кой она вам, эта мертвячка?

И третий поддакнул:

– Может, она чего стоит? Тогда заплатите!

– Платить за грязь?! – фыркнула Аланис. – Вы свихнулись в вашем лесу!

Позади нортвудцев раздались голоса, послышалось движение, строй раздался. Вперед выступил столь громадный воин, что бурый медведь, пожалуй, проиграл бы в сравнении. Гигант был растрепан и космат, словно только выбрался из женских объятий в теплой постели. Одет был в черный шерстяной халат, накинутый спешно, а в руке сжимал боевую секиру.

– Лорд Крейг Нортвуд, – с досадою узнала его Иона.

– О, Северная Принцесса... – он явно удивился. – Доброго вечера... Что тут за шум?

– Милорд, – встрепенулся нортвудский капитан, – один кайр с мечом в руке преследовал безоружную женщину и заколол у меня на глазах. Я убил его, но поздно.

– Кайр заколол барышню?.. – Крейг зыркнул на трупы. – Вот эту?..

– Да, милорд.

– Беззащитную?

– Да, милорд.

Тут кайр из горцев – Иона не помнила его имени – не удержался и заговорил:

– Да кака беззащитная-ц! Бурца черца ворошейка!

Зря же он раскрыл рот!

– Чего?.. – переспросил Крейг. Один из медведей смог перевести:

– Говорит, баба ведьмой была.

– Ведьмой?!

– Страшной ведьмой. Так сказал.

– Обыщите ее!

– Лорд Крейг, – вмешалась Иона. – Она была нашей пленницей. Мы ее забираем.

– Похоже, вы плохо ее стерегли! Баба сбежала и померла в моем лагере! Все, что на теле, – мое. Общайте!

Капитан перевернул покойницу и распахнул ее плащ. Рука в наперстках лежала прямо на животе. Предмет не умер вместе с хозяйкой, а все еще источал тусклое розовое сияние.

– Святая Сьюзен... – выронил Крейг, наклоняясь. Когда понял, на что смотрит, взревел: – Мое! Это – мне! Мой трофей!!!

– Жаль расстраивать вас, лорд Крейг, но Предмет принадлежит Дому Ориджин.

Безукоризненно элегантный Эрвин вступил в круг, сопровождаемый Джемисом и овчаркой. Тронул за плечи сестру и Аланис:

– Вам нечего здесь делать. Отойдите назад.

Иона вздрогнула – таким холодом веяли его слова. Вместе с подругой отступила за спины кайров, но по-прежнему хорошо слышала голоса.

– Ориджин, колдунья – моя.

– Мои люди привели ее на остров, мой кайр ее убил. Несомненно, она – трофей Дома Ориджин.

– Но твой пес догнал ее потому, что мои парни ее задержали! И умерла она на моей земле!

– На вашей земле?.. – Эрвин рассмеялся язвительно, с нотой истерики. – Напомнить вам, где мы находимся? Это Дворцовый Остров, он принадлежит Короне!

– Тебе!.. – гроыхнул Крейг. – Ты все захапал! Дворец, столицу, казну! Я что, не вижу? Я слепой?! Ты наложил лапу на все, до чего дотянулся! Почему я сижу здесь, в палатке? Да потому, что мне тошно во дворце! Там все под твою дудку, хитрый черт!

Столько обиды и ярости было во вспышке Клыкастого Рыцаря, что Эрвин смешался, не смог дать ответа. Крейг рявкнул в довершок:

– Я – твой союзник, Ориджин. Ты меня держишь, как собачонку. Надоело! Больше не стерплю!

– Лорд Крейг, – опомнился Эрвин, – я утвердил за вами земли Южного Пути, по которым прошло ваше войско. Я отдал вам половину трофеев ночного Лабелина, хотя вы не заслужили и четверти. Я освободил из плена вас с братом. И это я взял столицу, без вашей помощи! Вы получили гораздо больше, чем стоит ваш вклад в победу. Признайте это, тьма сожри!

– Не играй словами, Ориджин! Ты обещал мне Сибил – где она? Ты обещал Глорию – где она?! Ты обещал разделить почести и славу – где?! На каждом углу слышишь про лорда-чертова-канцлера, но где я? Где слава Нортвуду, где уважение? Почему все думают, что войну выиграли одни кайры?!

Не дожидаясь ответа, он пнул мертвое тело:

– Я забираю ведьму и Предмет. Хочешь их себе – плати.

– Ваша цена, милорд?

– Я хочу искровую армию. Особый искровый полк из одних нортвудцев под рукой моего брата Дональда. А я – имперский генерал и главнокомандующий всех искровых войск Короны! Эрвин даже закашлялся.

– Что-о?.. Вы в своем уме, милорд? Генерал Гор – главнокомандующий!

– Срать на Гора! Кто его знает? Какие битвы он выиграл?! Я буду командовать!

– Искровая армия подчиняется только людям императора. Лорду Великого Дома – никогда! Это нонсенс!

– Не бойся, мне подчинится.

– Это прямое давление на Корону! Мы станем узурпаторами!

– Не моя печаль. Устроишь это – или я забираю труп. Или...

Иона не видела, но с дрожью представляла, как гигант надвинулся на Эрвина, перехватив секиру поудобней.

– ...или решим это как воины – в поединке. Ты и я. Что скажешь, Ориджин?

– Позвольте мне, милорд, – меч Джемиса лязгнул, покидая ножны.

– Позвольте мне, – отозвался Сорок Два.

Повисла звонкая пауза.

– Если вы убьете медведя, – медленно и тихо молвил Эрвин, – то Нортвуд станет нашим врагом. Если же он убьет вас, то заберет Знахарку как трофей. В обоих случаях я – в проигрыше.

– Именно, Ориджин. Верно смекаешь. Потому сделай, как я хочу.

– Что ж, генерал Крейг... Я поставлю условия.

– Никаких условий!

– Условия будут, тьма сожри! Первое. Вы получите корпус Гора, но корпус Серебряного Лиса абсолютно предан владычице. Хотите, чтобы он вам подчинился, – убедите Минерву. И второе. Никаких больше требований. С этого дня мы в полном расчете.

Крейг не сказал «да», но и не возразил. Только глухо рыкнул:

– Грм...

– Кайры, возьмите тела.

* * *

Подруги сидели рядышком, притихшие и озябшие. Иона знала, как жалко она выглядит в мокром и грязном вечернем платье. Аланис – не лучше: белая с лихорадочным румянцем, волосы паклей облепили голову. Но Эрвин не давал и намека на сочувствие.

– Что такое с вами двумя?! Насмехаетесь надо мною? Было лишь два возможных исхода: в лучшем случае возьмем Знахарку живой, в худшем – не возьмем. Но вы постарались и придумали третий выход! Знахарка погибла, кайр убит, другой лишился ноги, у меня конфликт с Нортвудом, а заседание Палаты начнется с гигантского скандала, потому что командующим имперской армии станет тупоголовый медведь! Как вы умудрились это сделать?! Нарочно постарались?! Тьма, по случайности просто невозможно так все испортить!

– Эрвин, – дрожащим от озноба голосом попросила Аланис, – позволь мне налить тебе орджа...

Он кивнул, она наполнила кубок. Когда подала Эрвину, тот схватил кубок и швырнул в стену.

– Я похож на леди Мими?! Думаешь, выпью и успокоюсь?! Тьма! Это дерьмо не решается кубком орджа! Даже бочкой орджа! Даже чертовым галеоном, полным бочек с орджем!

Эрвин хлестал словами еще и еще. Ионе было очень больно. Настолько, что она сжалась всем телом, как узник, избиваемый палачом.

Последним обвинением брат швырнул самое острое:

– Вы еще и солгали мне. Солгали, нарушили приказ и отдали себя в руки врагу! Я пытался защитить нашу семью... Как можно защитить того, кто сам лезет в могилу?!

Он оперся на стол, тяжело дыша.

– Но, Эрвин... – начала Аланис.

– Я не позволял говорить!

Она склонила голову:

– Да, милорд.

– Когда заговоришь, не начинай со слова «но». Здесь нет никаких «но»! Кристально прозрачная ситуация: ложь, глупость, ослушание приказа. Мужчина на вашем месте заслужил бы смерть.

– Да, милорд.

– Итак, что ты хотела сказать?

– Это была моя идея, милорд. Ваша сестра ни в чем не виновата.

Аланис выпятила подбородок. Она действительно надеялась, что весь гнев Эрвин обрушит на нее одну.

– Ах как, черт возьми, благородно! Я, значит, должен восхититься твоим великодушием и сестринской чистотой! И вы, значит, обе оправдываетесь – прелестно! Иона – графиня, северянка, леди, она хорошо знала, на что идет, и не противилась. И это именно она отдала приказ часовым – тебе они бы не подчинились. Имеешь еще возражения?

Чего не отнять у Аланис – умения нести себя гордо. Даже в час падения и смирения.

– Никаких, милорд. Любая кара будет справедливой.

– И я так считаю.

– Но есть наблюдение, милорд, каковое может быть вам полезно.

– Я весь внимание.

– Мы с леди Ионой абсолютно точно убедились в том, что Предмет Знахарки способен залечивать раны. До сих пор это не было очевидно. Теперь мы знаем, что Кукловод имеет не только оружие, но и средство исцеления.

Иона непроизвольно глянула на ладонь: от раны уже не осталось и следа.

– Это ценно, – признал Эрвин. – Но мы открыли бы это в ходе допроса пленницы, если бы, по моему плану, взяли ее живьем.

– Позвольте отметить и другое, милорд. Назначение Крейга Нортвуда вредит, скорее, самому Крейгу, чем вам. Он получит прямой конфликт с императрицей и двумя имперскими генералами, в коем погрязнет и перестанет вам досаждать. Больше того: как Нортвуд, так и владычица со временем станут искать в вас союзника.

Эрвин позволил себе едва заметную улыбку:

– Я успел это обдумать, пока Клыкастый замахивался на меня секирой.

– Что же до погибшего кайра, то он и так заслуживал кары за неподчинение. Теперь вы избавлены от тяжелой необходимости казнить соратников. Осталось лишь наказать третьего часового – горца. Обойдитесь мягко – парой месяцев тюрьмы – и вызовете общее уважение своим милосердием.

– Я подумал и об этом. Но один вопрос остался не решен: что мне делать с вами?

– Полагаю, милорд, лучше всего – восхититься нашей смелостью, отчаянной решительностью, способностью трезво мыслить в сложной ситуации. И простить нас, учитывая названные исключительные качества.

Она не скрывала иронии. Эрвин усмехнулся:

– Хороший ответ.

– Теперь позволишь мне налить орджа?

Она наполнила чашу и сама же сделала большой глоток. Подала Ионе:

– Согрейся, дорогая.

Иона, доселе смятая и бессловесная, поднялась на ноги:

– Все, чего я хотела, – вылечить отца.

И ушла сквозь мучительную тишину.

* * *

Эрвин, мой пронзительно умный Эрвин... Сегодня ты был чудовищно глуп. Бранил меня за неудачу, не понимая того, как больно я сама изгрызу себя клыками вины и стыда. Или, напротив, был исключительно умен и предвидел, как раздавит меня твое непонимание. Но в этом случае – ты жесток. Настолько жесток, что нельзя об этом думать.

Мне горько, Эрвин. Смертельно горько от того, что не смогла спасти отца, что создала тебе столько проблем, что весь мой план пошел прахом. Мне до того горько, что нужна под-

держка родного человека. Разве часто я прошу тебя о помощи? Нет. И сегодня не прошу. Но ты мог бы понять. Мог слышать мою мысль! Я ведь так часто слышу твои... Глупый Эрвин. Жестокий Эрвин.

Лишь на рассвете она уснула, обессилев от мучений.

А проснулась от настойчивого стука в дверь.

Накинула халат, подошла, увидела на полу под дверью листок бумаги.

«Кончилось плохо, но ты делала то, во что верила. Я был несправедлив с тобой. Прости. Э.»

Спросонья перечитала дважды. Когда поняла, комок подкатил к горлу. В дверь снова постучали, она спросила:

– К-кто?..

– Твой глупый брат.

Она отперла, и Эрвин смерил ее взглядом от спутанных волос до босых ступней.

– Чего-то подобного я и боялся...

– Что я сплю без обуви?

– Что проведешь ночь в терзаниях и станешь похожа на мумию. Я приходил около рассвета, но ты спала слишком крепко, потому оставил записку.

Он взял у нее листок, а взамен подал чашку.

– Я прошу у тебя прощения. И хочу, чтобы ты выпила этот кофе и очень, очень, очень быстро привела себя в порядок. Через четверть часа – примиряющее событие, мы должны на него попасть.

– Какое событие?

– Военный совет.

– Что мне делать на военном совете?

– Практически нечего. Потому и зову тебя: не ради пользы, а для примирения.

Она попробовала кофе. Было очень, очень вкусно.

– Эрвин... Больше не кричи на меня.

– Больше меня не обманывай.

Иона протянула брату мизинец, как в детстве.

* * *

Столько эмоций вызвало это неожиданное тепло, что Иона не сразу и задумалась. Спихватилась лишь входя в кабинет Эрвина: военный совет?! Разве мы с кем-то воюем?!

Их – точнее, только Эрвина, – ждали трое военачальников: Роберт Ориджин, генерал-полковник Стэтхем и имперский генерал Гор. Последний вызвал мрачное воспоминание о ночной стычке с медведями. Гор имел деловитый, но не угрюмый вид – вероятно, еще не знал, что скоро лишится места главнокомандующего. Он и заговорил первым:

– Лорд-канцлер, необходимо обсудить последние события и должным образом среагировать на них.

Эрвин усадил Иону и сам расположился рядом – так близко, что почти касался ее плеча.

– Вы говорите о выходе крестьян, генерал?

– Будет легкомысленно звать это выходкой, милорд. Бунт набирает силу. Уже два крупных города – Лоувилль и Ниар, – а также десяток городков предоставили бунтарям поддержку. Их численность достигла тридцати тысяч.

Эрвин только улыбнулся и украдкой подмигнул сестре: мол, что такое тридцать тысяч серпов?... Генерал вел дальше:

– Под влиянием горожан бунтари сформировали свое главное требование: твердо установленная подушная подать. Ее величина прописана в законе, и ни лорды, ни сборщики налога не имеют права требовать больше.

– Звучит разумно... – хмыкнул Эрвин.

– Да, лорд-канцлер, вполне разумно. И это плохо! До недавнего времени бунтари не имели ясного плана, лишь смутно взывали к милосердию Короны и зачем-то требовали личной встречи с герцогом Лабелином либо императрицей. Все это звучало наивно и несерьезно, не вызывало сочувствия у большинства мещан. Но снижение и фиксация налога – это четкое требование, которое поддержат многие.

– И снова-таки разумно, – согласился Эрвин. – Фиксированный законом налог – один из пунктов несостоявшейся адриановой реформы. Есть все основания ждать, что императрица воспримет с симпатией такое требование.

– Да, милорд, но...

– Именно, генерал: но. Я поручил решение данного вопроса министру налогов и сборов. Почему же я снова трачу свое время? И почему министр Борн даже не присутствует на совете?!

– Извольте видеть, лорд-канцлер, Дрейфус Борн не рискнул появиться при дворе. Он находится в налоговом управлении в Маренго, где тщетно ищет пути выполнить данные вам обещания.

– То бишь, он сбежал и прячется? Вы это хотите сказать?

– Милорд, Дрейфус Борн сделал все, что мог. Он собрал воедино отряды налоговой стражи и нанял вдобавок две бригады вольных стрелков. По приказу министра на подступах к Излучине бунтарей встретило четырехтысячное войско. Крестьяне разбили его и обратили в бегство.

– Крестьяне?.. – брови Эрвина полезли на лоб. – Как им это удалось?!

– Сворой правят два жоака: мещанин по кличке Зуб и путевский крестьянин Салем. Сами они не смыслят в военном деле, но им помогают несколько ветеранов: строевые капралы, сержант-наставник, и даже, по слухам, некий офицер из благородных. Эти люди обучили крестьян строевым маневрам, чем сильно повысили боеспособность. Сноровка ветеранов сказалась и в том, что бунтари предвидели ловушку и избежали ее с помощью тактической хитрости.

– Не забывай, кузен, – вставил Роберт, – это же путевские крестьяне. Месяц они провели в наших рядах. Кое-чему да научились.

– Это сражение, милорд, показало, что ситуация вышла далеко за пределы полномочий министра налогов. Понимаю ваше негодование, милорд. Глубоко разделяю возмущение, какое вызывает у вас мерзкий бунт. Однако события требуют вашего решения. Вы хорошо послужите государству, если примете его сегодня же.

Эрвин искривил губы. На лице его не читалось ни малейшего желания прямо сейчас послужить государству.

– Знает ли о восстании ее величество?

– Трудно сказать. Лично я не уведомлял владычицу и велел штабным офицерам помалкивать. Ее величество сильно переживает из-за поражения в Литленде. Еще одна военная неудача будет лишним бременем для ее плеч. Согласны ли вы, милорд?

Барон Стэтхем добавил свое слово:

– Милорд, знает Минерва или нет – совершенно неважно для исхода дела. Ведь это дело военное, стало быть – мужское. Нам следует решать и действовать, а не Минерве.

Взгляд Эрвина в сторону Ионы был очень выразителен: «Гляди, сестричка: не я один держу Мими в неведении. Все умные люди согласны, что так лучше».

– Господа, – спросил он генералов, – что еще важного известно о восстании?

– Могу добавить лишь одно, милорд. После победы над наемниками бунтари стали призывать к вилам и копьям подснежники. Они пытаются изобразить мирные намерения: глядите, мол, мы идем с цветами, а не клинками.

– Как красиво, – вырвалось у Ионы.

– Миледи, – отрезал Стэтхем, – пускай хитрецы не введут вас в заблуждение. Будь они законопослушны, сразу сложили бы оружие при виде имперских гербов на флагах. Но они вступили в бой с войском Короны! Наказание должно быть решительным и суровым.

Эрвин покачал головой:

– Мне очень не хочется... Война кончилась, настало время для милости, а не жестокости. Да и, по правде, их требования не лишены смысла.

– Дело не в требованиях, милорд. Бунтари посмели взять в руки оружие! Ваш отец повесил бы каждого второго, а прочим отрезал бы уши.

– Мой отец правил на Севере. Здесь нравы иные: люди мягче, милосердие – в почете.

– Милосердие – плохой советчик. Оно заставит вас медлить, а бунт тем временем наберет размаха. И уже не тридцать тысяч придется покарать, а пятьдесят или сто. Милорд, позвольте мне взять два батальона и быстро прижечь заразу, как прижигают гнойные раны.

Иона очень хотела что-нибудь посоветовать брату. Она с большой радостью видела колебания Эрвина. Ночью думала, ничего не осталось от его прежней доброты; теперь убеждалась в обратном – и в груди теплело. Но что сказать – она не знала. Иррациональное чувство сигнализировало: лучший выход – самому Эрвину встретиться с крестьянами. Даже не лучший, а единственный путь, что не окончится тысячами новых могил. Но прошлая ночь слишком явно показала, сколь ошибочным бывает голос чувства... Иона промолчала. Да ее никто и не спрашивал.

– Поступим так, – после долгого сомнения решил брат. – Батальоны Первой Зимы останутся в столице. Генерал Гор, вы лучше знакомы со здешним народом и меньшими жертвами приведете его к подчинению. Выступайте со своим корпусом навстречу бунтарям. Предложите им мирно сложить оружие. Если сделают это, арестуйте лишь главарей и зачинщиков, а прочих отпустите. Если же не сдадутся, прикажите воинам целить искрой по ногам, а не в грудь. Возьмите живьем как можно больше бунтарей, которых императрица великодушно помилует. Пускай случится бархатная победа.

– Благодарю за честь, милорд. Рад служить Короне.

Гор откланялся и ушел, чеканя шаг. Генерал-полковник Стэтхем покачал головой:

– Вы не прижгли рану, милорд, а приложили припарку. Как человек, страдавший гнилой кровью, должны знать: припарки никогда не помогают.

– Но, как бывший мятежник, знаю и другое: не всякий бунтарь – гнилье.

– Как вам будет угодно, милорд, – ответил Стэтхем, не скрывая упрека.

Эрвин отпустил его и Роберта. Оставшись наедине с братом, Иона спросила:

– Ты думаешь, Гор сумеет?..

– Если сумеет, я порадуюсь спасенным жизням. А если нет – что ж, мы хотя бы получим повод разжаловать его и заменить Клыкастым Крейгом...

Странная секунда тишины повисла в воздухе, когда отзвучали слова. Ионе показалось, что брат не верил ни в успех Гора, ни в неудачу. Третий – невысказанный – вариант заполнял мысли брата и чуть было не сорвался с языка...

– Хватит о бунте, – одернул себя Эрвин. – Сестричка, займемся делом поинтереснее: не зря же нам достался говорящий Предмет!

Перо – 5

Западная часть графства Эрроубэк

Северный ветер волок с Дымной Дали сгустки тумана. Они устилали дорогу длинными хлопьями, студенисто шевелились, будто щупальца медузы. Рвались о конскую грудь, но вновь срастались за спиною. Пустив лошадь неспешной рысью, Марк размышлял вслух.

Хорошо думается в беседе с умным человеком. Эту истину он осознал много лет назад – почти тогда же, когда заметил, что думать ему нравится, а главное – удается. Собеседниками ему служили разные люди: секретарь Итан и агент Рыжий, кайр Джемыс Лиллидей и леди Минерва Стагфорт. Теперь вот – Дед. Он справлялся со своей ролью, пожалуй, лучше всех вышеназванных, поскольку не мешал. Не встревал в монологи Ворона со своими догадками, не пытался изобразить умственную деятельность и тонкое понимание дела – а просто слушал себе и наигрывал мелодию в ритм лошадиного шага. Ворон рассуждал вслух, не встречая помех.

– После того, как я выдвинул свою прошлую версию – к большому удивлению, провальную, – случилось несколько событий. Мы посетили еще одно место преступления – развалины кузницы Джонаса. Побеседовали с добрыми людьми Альмеры и убедились, что банда похитителей Перстов – не единственная, и даже не самая знаменитая. Наконец, мы наведались в замок графа Эрроубэка и получили сомнительное удовольствие от общения с хозяином. Не сумели осмотреть рухнувший мост, зато узнали следующую точку маршрута злодеяний банды – трактир «Джек Баклер», куда и направляемся сейчас. А по дороге имеем время, его хочется употребить на пользу. Не станем же без толку стирать зады о седла, а обдумаем сведения и кое-что из них выжмем.

Дед насвистывал без малейшей ноты протеста.

– Итак, какие новые факты нам явились? Первый: банда двигалась по открытым дорогам при дневном свете, но ни у кого не осталась в памяти. Это можно объяснить: допустим, что бандиты оделись в военные мундиры и не отличались от массы иной солдатни, рыскавшей в декабре дорогами Империи. Второй факт: кузнец Джонас, видимо, был заранее знаком с бандитами. Он отослал лишних свидетелей, а сам встретил и разместил на ночлег злодеев. Выходит, ожидал прибытия банды. Почему? Кто его предупредил? Положим, бандиты послали вперед одного, он и поговорил с кузнецом. И кузнец не испугался, не сбежал, не сообщил шерифу, а стал готовиться принять весь отряд. То бишь, Джонас не ждал опасности от бандитов. Однако утром они его убили. Зачем? Ну, в смысле, если знали его раньше, пользовались его услугами – почему теперь порешили?

Внучок не вытерпел и вмешался:

– Может, он случайно заметил Священные Предметы? И они его тогда того... как свидетеля.

– Логичное предположение, но ошибочное. Тогда они просто зарезали бы Джонаса, но зачем сжигать еще и кузницу? Уж она-то точно не свидетель! Говоря начистоту, это убийство вкупе с пожаром выглядит как обрубание концов... или сжигание мостов, если угодно. Бандиты уничтожали все подряд, оставляя за собой пустыню. Тот, кто пойдет по их следам, не найдет ничего, кроме пепла...

Марк передернул плечами.

– Их почерк напоминает мне кое-что. Сказать, что мне не по душе это «кое-что», – не сказать ничего... Но пока оставим кости в земле и двинемся дальше. Факт третий: судя по датам пожаров в кузнице и в трактире «Джек Баклер», банда добралась из первой во второй за два дня. То бишь, за два дня – пол-Альмеры! Мы вот едем уже четвертые сутки, и все еще не близко. Значит, банда скакала с бешеной скоростью. Из этого два вывода. Первый...

– У них были отличные кони! – встрял Внучок.

– Верно. А откуда у бандитов кони, достойные рыцарей? Либо они раздобыли коней заранее, готовясь к этому делу, – но откуда им наперед знать о захвате столицы? Либо это вовсе не бандиты, а отборная гвардия какого-нибудь феодала.

«Уи-и-у!» – пропел чимбук в устах Деда. Звучало как согласие.

– Но даже на лучших конях они могли так быстро проскакать пол-герцогства лишь по самой прямой дороге. А самая прямая шла сквозь родовое гнездо Эрроубэка: через замок либо через мост, который тогда еще был цел. Люди графа, с их-то подозрительностью, задержали бы любой отряд – кроме того, задержать который они не имели бы права. Бандиты носили не просто мундиры, а мундиры с башней и солнцем герцогства Альмера, либо с пером и мечом Короны. И это снова пробуждает неприятнейшие воспоминания...

Дед сменил спокойную мелодию на сумрачно-тревожную – будто догадался, о чем именно вспомнил Ворон.

– Нет, Дед, верни прежнюю музыку, – попросил Марк. – Самую дерьмовую версию обдумаем позже. Сейчас интереснее вот что: откуда бандиты взяли мундиры?

– Ну, как же? – удивился Внучок. – Ты сам говорил: переоделись в первой гостинице в лесу, а потом спалили гостиницу и старые тряпки...

– Я спросил не: «Где переоделись?» – а: «Где взяли мундиры?» Гостиница – не военный склад, в ней мундиров не было. Значит, бандиты привезли их с собой. Если даже бандиты и были военными, то, тьма сожри, не пошли бы они на дело в собственных мундирах с гербами своего же полка! Вывод: одеждой они запаслись заранее. Но когда успели?! Все завершилось ночью. Той самой ночью, когда они грабили и сжигали аптеки, добывая яд. Но налетов на склады той ночью не было!

«Уху – уху – хуууу», – таинственно пропел чимбук.

– И наконец, Дед, твой вопрос: почему Альмера? Это скверная земля для укрытия: все подозревают друг друга, а по всем дорогам рыщут чьи-нибудь патрули. Но бандиты почему-то двинулись именно сюда. Возможны два ответа. Первый: их наниматель живет в Альмере. Они запутали след, послав поезд в Надежду, а потом поскакали прямо к хозяину. Но если они уповали на ложный след с поездом, то зачем убивали всех встречающих? Устраняли улики там, где их не станут искать. Странно... Второй вариант: Альмера – такая же обманка, как поезд. Из Смолдена бандиты свернули, например, в Южный Путь – там имеется хорошая дорога. А пару головорезов послали сжечь трактир «Джек Баклер» в землях Эрроубэка, чтобы увести следы в ложном направлении.

– Тогда мы не найдем их! – воскликнул Внучок.

– Я всегда это говорил, – пожал плечами Марк.

Помедлив немного, добавил:

– Остается, конечно, надежда на «Джека Баклера». Авось там сыщется что-нибудь ценное. Но...

Марк не успел окончить свой мрачный прогноз. Из тумана в сотне шагов впереди проявилась группа всадников и двинулась навстречу.

– Думаю, у них к нам имеется дело, – отметил Дед, пряча дудку в чехол.

Он не ошибся: приблизившись, конники не сдвинулись к краю дороги, а, напротив, развернулись шеренгой, перекрыв ее всю. Отряд напоминал патруль графа Эрроубэка – с тою разницей, что на гербах блистало солнце, заходящее за башню, а бок о бок с офицером скакал монах в сутане.

– Кто такие и куда направляетесь? – спросил офицер.

Он был спокоен и суров, и своим видом отнюдь не вызывал желания шутить.

– Я – Марк из Фаунтерры. Со мною Дед и Внучок – северяне. Мы держим путь в Блайсток. Марк назвал ближайший город, который смог припомнить.

– С какой целью?

– Там свернем на старый тракт и доскачем до Флисса. Во Флиссе сядем в шхуну и через Дымную Даль – напрямик на Север, к Деду в гости.

– Каково ваше ремесло?

– Дед – пастух и учитель, Внучок – ученик, я – сапожник.

– И за какой тьмой северный пастух со столичным сапожником подались в странствие?

– Видите ли, сир, Дед – не просто пастух, а странствующий философ. И в данном контексте он никак не может не странствовать – ведь тогда утратит себя.

Дед одарил Марка одобрительным взглядом, офицер – неприязненным.

– Имеете ли вы дорожную грамоту? – раздался из тени под капюшоном голос монаха.

Ворон замялся. Очевидно, что эти парни служат приарху, а тот и близко не в друзьях с Ориджином. Дорожная грамота с печатью герцога – не хуже ли, чем вовсе никакой?

– Я вижу на тебе монашеское одеяние, – ответил монаху Дед. – Означает ли оно принадлежность к некоему ордену, или является следствием простой случайности?

Монах сложил руки на животе:

– Я – брат Хемиш, посвящен в орден Праотца Фердинанда.

– Рад узнать твое имя, брат Хемиш. Тебе, как монаху, простительно незнание мирских законов, потому обращаю твое внимание: согласно закону владыки Телуриана от шестьдесят седьмого года, дорожная грамота не является обязательным документом для путника.

Марк разинул рот. Он не удивился, когда Дед показал себя в драке: все северяне – драчуны. Но юридические познания – откуда?!

– Признаю твою правоту, – монах склонил голову, и тень на лице стала гуще. – Человек может путешествовать без дорожной грамоты, однако лорды по-прежнему снабжают грамотами своих посланников.

– Лишь тогда, когда хотят, чтобы посланник говорил и действовал от их имени. Сейчас – не тот случай.

– Но ты признаешь, что являешься посланником некоего лорда?

– Я не утверждал этого, а лишь проявил осведомленность в законах.

– Стало быть, ты утверждаешь, что не послан никаким лордом?

– И этого я не говорил, брат Хемиш.

– Однако ты – пастух, учитель и странствующий философ?

– Строго говоря, даже это не мои слова, а Марка, но я согласен с ними.

В течение этой беседы – скажем прямо, не слишком познавательной, – и монах, и офицер хранили полное спокойствие. Не раздражались, не выказывали спешки, утюжили Деда пристальными взглядами. Это крепко не нравилось Марку. Именно так ведут себя лучшие дознаватели: не злятся и не спешат. Ворон вмешался в беседу:

– Брат Хемиш, как ты уже заметил, беседа с философом – то редкое удовольствие, что может длиться сутками. Но нынче очень зябко из-за идова тумана, и если мы все не хотим продрогнуть до костей, то не двинуться ли в путь?

– А у тебя, сапожник, на диво хорошо подвешен язык, – отметил офицер.

– Я не просто сапожник, а спутник странствующего философа, – возразил Ворон. – Так не позволите ли нам продолжить путь и принести древнюю мудрость Севера жаждущим жителям Блайстока?

Монах заговорил:

– Великое герцогство Альмера и его преосвященство Галлард свято чтят законы Империи. Мы могли бы позволить вам продолжить путешествие без дорожных грамот, однако Юлианин закон от шестисот двенадцатого года дает еще одну причину задержать вас.

– Как неизвестных субъектов, представляющих возможную опасность для мирных жителей? – охотно попался на удочку Дед. – Тот же самый закон определяет и критерии возможной

опасности, под которые мы отнюдь не попадаем. Мы лишены доспехов и носим только легкое оружие ближнего боя.

– Либо северные пастухи разучивают законы на память и передают их детям из уст в уста, либо ты провел немало дней за чтением кодексов.

– Это чтение доставило мне много удовольствия. Приятно знать, сколь разумно и справедливо устроена держава.

– Стало быть, ты грамотен и достаточно богат, чтобы иметь доступ к библиотекам.

– Коль ты сделал такой вывод, брат Хемиш, то я не посмею его оспаривать.

– А что вам известно о банде, странные путники?

Марк вновь решил перехватить инициативу:

– О банде из десяти безумных шаванов, поклонников Темного Идо? Мы знаем то же, что и все: если попадем в лапы этим гадам, то лишимся денег, лошадей, чести, еще и головы на плечах, что самое обидное. Так давайте же не будем маячить на дороге, а скорей укроемся за безопасными стенами города!

– Шаваны орудуют в графствах Дэйнайт и Блекмор, – отрезал монах. – Мы ведем речь о другой банде – той, что явилась из Земель Короны.

Марк чуть не подпрыгнул в седле. Кажется, брат Хемиш заметил его удивление.

– Банда из Земель Короны? Святые боги! Это еще что за напасть?

– Три дюжины всадников, – отчеканил офицер, – отличные кони, мечи, копья, кольчуги, синие плащи. С расстояния могут сойти за имперских гвардейцев. Вы не видали таких?

– К великому счастью, нет! Даже не слыхали об этих негодях! Насколько я понимаю, если б мы встретили их, то уже не говорили бы с вами?

– Вовсе не факт, – покачал головой монах. – Банда этих синих пока не уличена ни в одном определенном злодействе. Она рыщет по Альмере зигзагами, пугая мирных людей и преследуя неизвестные цели. Именно потому она особенно опасна. По приказу его преосвященства необходимо разыскать и задержать банду синих. Все, кто имеют о ней любые сведения, обязаны сообщить их представителям Святой Церкви.

– Обязаны под страхом суда, – добавил офицер. – Вы понимаете?

Марк осенил себя священной спиралью.

– Да уберегут нас боги от синих бандитов! Как и вообще от злодеев любых цветов! Клянусь, брат Хемиш: мы ничего о них не знаем, и будем молиться о том, чтобы так оставалось и впредь.

Дед печально склонил голову:

– Боюсь, что даже мудрость философии уже не вернет эти пропащие души на путь добра. Мы приложим все силы, чтобы избежать встречи с ними. Благодарю за предостережение, брат Хемиш.

Офицер с монахом переглянулись. Капюшон монаха слегка качнулся, изобразив нечто вроде кивка.

– Вы можете быть свободны, – сказал офицер.

Спустя пару минут отряд пропал в тумане.

Дождавшись, пока утихнет стук копыт, Ворон спросил:

– Дед, какого черта ты творил? Я бы понял, если б ты умничал перед детишками, барышнями, благодарными учениками... Но зачем умничать перед людьми прохвоста Галларда?! Если уж так хотел привлечь внимание – носил бы череп на палке, эффект был бы тот же!

– Ты, Ворон, давно со мной, но ничему не научился. Я ничего не навязываю людям, а лишь проявляю то, что в них и так есть. Этот отряд сразу подозревал нас, и мы ничего бы с этим не поделали. Нас могли арестовать и поволочь в темницу, там долго и мучительно выяснять наши личности...

– И потому ты решил усилить их подозрения?! Умно, умно! Истинная мудрость Севера!
– Скажи, Ворон, если бы ты встретил истинно подозрительного типа, как бы поступил?
Схватил и поволок в застенки, или...

Марк понял:

– ...оставил бы в покое и установил слежку!
– Ну, вот. В покое нас оставили. Теперь нужно только сбросить хвост, и ты знаешь, как это сделать.
– Помчим во весь опор и оторвемся на время. Тогда свернем к Блайстоку – где нас точно не станут искать, так это в городе, который я назвал.
– Не хули мудрость Севера, столичник! – подал голос Внучок.

* * *

Путники заночевали в Блайстоке, и это оказалось верным решением. Наметанный глаз Марка не заметил никаких шпионов и соглядатаев. На время люди приарха потеряли Ворона из виду.

Троица встала еще до рассвета, оседлала коней и быстрой рысью двинула на юг по старому тракту – к деревне Дорожный Столб. Туман сгустился против вчерашнего и стоял на пути зловещей белесой мглой. Деревья по сторонам дороги обращались в сумрачные пятна; звуки делались громче, каждое слово разносилось, кажется, на мили. Было тревожно. Марк старался верить, что только из-за тумана.

Через пару часов пути деревья пропали, вместо них потянулись изгороди – рыбы скелеты. Дома почти не различались: угловатые пятна за пеленой. Потом почуялся запах: сдобное тесто, печеная телятина и жженный ячмень. Из тумана проявился домишко с вывеской в форме кренделя. «Лучшие пирожки от Леридана до Флисса», – значилось на ней. Заглавная Л была выведена с полной и бескомпромиссной уверенностью.

Марк спешил и привязал коня. Вместе с Дедом и Внучком вошел в «Лучшие пирожки». Внутри оказались трое: пара бородачей расположилась у окна, а пышнотелая хозяйка заведения подносила им тарелки.

– Будь здорова, красавица! Не отвесишь ли нам своих вкуснейших пирожков?

Судя по запаху, пирожкам столь же подходил эпитет «вкуснейшие», сколь хозяйке – «красавица». Впрочем, вкус пищи – вопрос голода, а Ворон не ел с прошлого вечера.

– Угу, – обнадежила его хозяйка. – Вам с телятиной или?..

– А с чем еще есть?

Хозяйка молча смирила его снисходительным взглядом.

– Что ж, тогда мы сделаем очевидный выбор.

Марк уселся за столик.

– И еще, не найдется ли у тебя кофию?

Хозяйка глянула на него, как на умалишенного.

– Ну, тогда горячего вина...

«Красавица» нахмурилась, явно подумывая послать за лекарем.

– Чаю?.. – робко спросил Марк.

– Чай вечером будет. Утром не варю.

– Ну, а что есть утром горячего?

– Лонк.

Ах, ну да. Мы же в Альмере – куда без лонка! Простолюдины пьют горькое ячменное варево и делают вид, что оно ничем не хуже шиммерийского чаю. Особый здешний вид патриотизма...

– Ладно, давай лонк. И шесть пирожков.

– Угу.

Качая бедрами, как тяжело груженная шхуна на сильной волне, хозяйка вынесла пирожки с телятиной. Путники сразу накинудись на них, и когда она вернулась с тремя кружками лонка, тарелка уже была пуста.

– Присядь с нами, красавица.

– Зачем? – спросила хозяйка, но села, не дожидаясь ответа.

– Коль ты не против, мы бы спросили кое-что. Видишь ли, мы впервые в здешних краях...

– Ну и зря. У нас хорошо.

Марк с любопытством приподнял бровь. Хозяйка промолчала. Тезис «у нас хорошо» в аргументах не нуждался.

– Так вот, мы держим путь на запад, и нам говорили, что если от вашей деревни свернуть...

– У нас не деревня!

– А что же?

– Поселение Дорожный Столб.

– Прости, не хотел обидеть. От поселения можно свернуть на тропинку меж холмов, обогнуть старый карьер и выехать к трактуру «Джек Баклер». Так нам сказали. Это верно?

– Неа. «Джек Баклер» сгорел. Нету его.

– Давно сгорел?

– В декабре, вроде.

– От него осталось что-нибудь?

– Да ничего, говорю ж. Одни угли.

Марк долго принюхивался к лонку и, наконец, решился хлебнуть. Немало душевных сил ушло на то, чтобы не сплюнуть эту желчь назад в кружку.

– Знаешь, красавица, мы все же съездим туда.

– Куда?

– В «Джек Баклер». В смысле, на то место, где он стоял.

Вдруг хозяйка изменилась. Прямо на глазах в ней пробудилась жизнь, доселе дремавшая. Женщина возбужденно подалась вперед, уложив на стол внушительную грудь. Уставилась Марку в зрачки и выдохнула:

– Не едьте туда! Это проклятое место!

– Отчего же так?

– А вы не знаете? О, боги!

Хозяйка расцвела, щеки налились румянцем.

– Слушайте же, я вам расскажу! В декабре оно было. Еще прежде, чем помер владыка. Примерно тогда, как северяне столицу того. Значит, заехал к нам сюда фургон с беженцами. Понимаешь, из Флисса – они от северян улепетывали. Странные были беженцы: все разных мастей. Три здоровяка с топорами – вроде как дезертиры. Молодая парочка – селянин с селянкой. Муж с женой – мещане из небедных, а с ними – крохотная девчушка, вот такусенькая. Ее звали Крошка Джи.

Оба бородача за соседним столиком прислушивались к рассказу. Один вмешался:

– Еще был часовщик.

– Не мешай мне, Фред! Будто сама не помню! Да, был еще часовщик с вот такими усищами. Прозвище у него странное...

– Парочка, – подсказал Фред.

– Сам ты Парочка! Не лезь, кому говорю! Вот, значит, они у меня поели и тоже спросили дорогу, точно как вы. Говорят: «Есть тут где заночевать?» Я им: «Есть «Джек Баклер». Езжайте вокруг карьера, туда и туда». Они поехали, вот. Прошла ночь, а на утро мы все видим: дым

за карьером, вроде горит что-то. Значит, подумали, решили, послали мужиков поглядеть. Но я чем хуже? Тоже с ними пошла!

Хозяйка сделала паузу. По страстному ее дыханию было ясно: самая жуть впереди.

– Как пришли, сразу поняли: здесь сам Темный Идо побывал. Стали молиться и творить спирали, а у кого были амулеты, те их достали из-за пазухи. Трактир сгорел подчистую, груда углей осталась – и только. Но страшнее всего другое!

– Трупы?.. – предположил Марк.

Хозяйка ахнула. Подалась к нему чуть не впритирку. Горячо зашептала:

– Видел бы ты эти трупы, красавчик! Если б ты не намочил штанишки, то был бы сам смелым парнем от Флисса до Леридана. Значит, были они черные, обугленные, как головешки, все скукоженные, сморщенные. Трех из нас вывернуло тут же, двое вовсе сбежали. А остальные пригляделись внимательней – и увидели самый ужас!

Хозяйка схватила Марка за руку.

– Вот вспоминаю – у меня и сейчас мурашки по коже! Потрогай!

Ворон погладил хозяйчин локоть.

– Что же там было, красotka?

– А вот что: один мертвяк сгорел вчистую! От других остались скелеты, испеченное мясо, а этот – исчез, как не было! Крохотная горстка золы – вот такая! – Хозяйка свела лодочкой ладони Марка. – Больше ничего. Ни косточки.

Ворон хмыкнул.

– Только горстка золы, и все?

– Клянусь тебе!

– Как же вы тогда поняли, что это останки?

– Прости, что говорю тебе такое за едой. Но ты ведь уже доел, так что слушай. Эта горстка золы смердела так же, как остальные трупы. Не горелым деревом, а сожженной плотью – понимаешь?

– Но ведь не факт, что это были люди. Может, кто поменьше – собака или кошка...

– Собака выжила, на счастье. Хорошая псина жила в «Джеке Баклере», ее вот Фред забрал к себе.

Теперь хозяйка дала слово бородачам, и оба подтвердили:

– Да, парни, так все и было. Хельга верно рассказала: все мертвяки – простые угорельцы, а один – жертва Темного Идо. А что он был человек, сомнений нет: среди той золы осталось колечко и еще пряжка от ремня.

– Угу! – кивнула хозяйка Хельга. – Только представь: полфунта золы – и пряжка с пояса! Одно только счастье: Крошка Джи как-то спаслась. Девчушка-то ремня не носила, значит, жуткий пепел не от нее остался.

– Кто-то кроме малютки уцелел?

– Беженцев было, значит, девятеро. А трупов, считая тот самый, – восемь. Вот и думай...

– Но в трактире же были люди, кроме беженцев?

– Угу. Братья Баклеры были – хозяева трактира. Оба теперь на Звезде. У них еще служили куховарка и горничная – но обе тогда ночевали в Блайстоке. Уберегла их Глория!

Внучок при этих словах понимающе хмыкнул, а Дед наградил его тумакom.

– От чего погибли люди?

– Так от огня! – бросил Фред.

– Вот и нет, – возразила Хельга. – Сама помню: у одного мертвяка не было ступней, у другого – голова в сторонке лежала!

– Что вы сделали с телами? Похоронили?

– Уж да. Позвали монахов из Марека и Симеона, они устроили большую службу. Помогли хорошенько за все мертвые души. Как могли, отогнали Темного Идо со всеми чертями.

Потом забрали мертвецов в телеги и закопали на монастырском погосте. Не в проклятом же месте им лежать!

– А там, где был «Джек Баклер», – добавил бородач, – мы оставили спиральки с именами несчастных. Жаль только, из тех беженцев никого мы не знали – лишь Крошку Джи да Парочку.

Все помолчали – перевели дух.

Хозяйка спросила с надеждой:

– И вот, после всего этого, вы все равно туда поедете?

– Теперь-то точно поедем. Как не взглянуть на проклятое место?

– Ну, ваше дело. Коль угодите на Звезду – скажите всем тамошним: Хельга вас предупреждала.

После паузы поинтересовалась:

– А как вас зовут?

Марк назвал себя, представил также Деда и Внучка. Хельга пошевелила губами, старательно запоминая имена. Спросила:

– Хотите пирожков на дорожку?

* * *

А туман все густел. Был уже не дымкой и не завесой – кислым молоком. Коней пришлось пустить медленным шагом – за десять ярдов не различишь пути. Зато любой шепоток бьет по ушам, словно вопль. Где-то скрипит от ветра дерево – кажется, стонет. Каркает ворона – будто ревет навзрыд.

Все мрачнее становилось на душе, и уж теперь Марк отнюдь не был уверен, что сильно хочет на руины «Джека Баклера». Вернуться в «Лучшие пирожки» было бы куда приятнее. Он вел отряд вперед с единственной целью: поскорей справиться с мерзкой задачей, и тогда уже скакать куда захочется. Чтобы набраться смелости, отвлекал себя размышлениями. Говорил тихо-тихо, едва выдувал слова:

– Итак, люди приарха ищут банду в мундирах гвардейцев. Это логично: мы так и думали, что злодеи нарядились солдатами. Приарх Галлард, вроде бы, не крал Предметов: иначе не искал бы свою же банду. Это тоже логично: он слишком ортодокс для похищения святыни... Но дальше начинается черт знает что.

– Карррр! – хрипло кашлянула ворона, и Марк вздрогнул.

– Дальше все факты – полная и абсолютная чушь. По словам офицера, банда до сих пор рыщет герцогством. Но за какой тьмой? Отдав Предметы, должны были распознать по норам и залечь на год! Ладно, отбросим это, как полный абсурд. Допустим, офицер солгал нам, чтобы нагнать страху. Но далее, по словам того же офицера, банда не уличена ни в каких преступлениях. И снова чушь! Как бдительная стража приарха могла прохлопать «Джека Баклера»? И если таки прохлопала, то почему вообще ищет банду? Или же тут нам снова солгали – но зачем? Никого не убившая жуткая банда – какой смысл выдумывать эту ересь?

– Карррр! – вскрикнула птица.

– А дальше – «Джек Баклер». В нем все – чертовщина. Если из восьми трупов двое – хозяева трактира, то, выходит, спаслись трое постояльцев. Как заправские убийцы упустили столько жертв, одна из которых – девчушка-крохотуля? Куда делись эти трое уцелевших? Отчего не прибежали в тот же Дорожный Столб, не рассказали шерифу?.. И главное: что стало с тем, особенным покойником?

– Карррр, – буркнула ворона тише. Видимо, отряд покинул ее владения.

Дед сказал:

– Я не знаю ответов на твои вопросы. Мне невдомек, что случилось в «Джеке Баклере». Зато пришла на ум одна история – я поделюсь ею с тобой.

И он повел рассказ низким, сочным шепотом.

– Жил-был молодой и пригожий парень. Однажды пошел на рыбалку, приходит на свое привычное место – а там сидит девушка. Он спросил ее: “Ты что здесь делаешь?” Она в ответ: “Я – твоя рыбка”. Парень посмотрел-подумал и говорит: “Ну, раз рыбка, то помаши плавниками”. Девушка попробовала – плохо вышло. “Не рыбка ты”, – сказал парень и ушел. В другой день вышел он в лес на охоту. Надел на лук тетиву, сидит в засаде – как тут идет по тропке девушка. Он ей: “Что ты здесь делаешь?” Она в ответ: “Я – твоя пташка”. Парень посмотрел-подумал и говорит: “Ну, раз пташка, то спой соловьем”. Девушка спела – скверно вышло. “Не пташка ты”, – сказал парень и оставил ее одну. Позже улыбнулась охотничья удача, и он вернулся домой с богатыми трофеями. Подходит к своей хижине, видит: на крылечке – та самая девица. Он спрашивает: “А здесь ты что делаешь?” Девушка говорит: “Ты – мой лев. Порычи!” Парень зарычал, как лев. Не совсем похоже вышло, но все же сильно и грозно. “Еще порычи”, – сказала девушка. Парень еще порычал. Ему понравилось. Так и остались они жить вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.